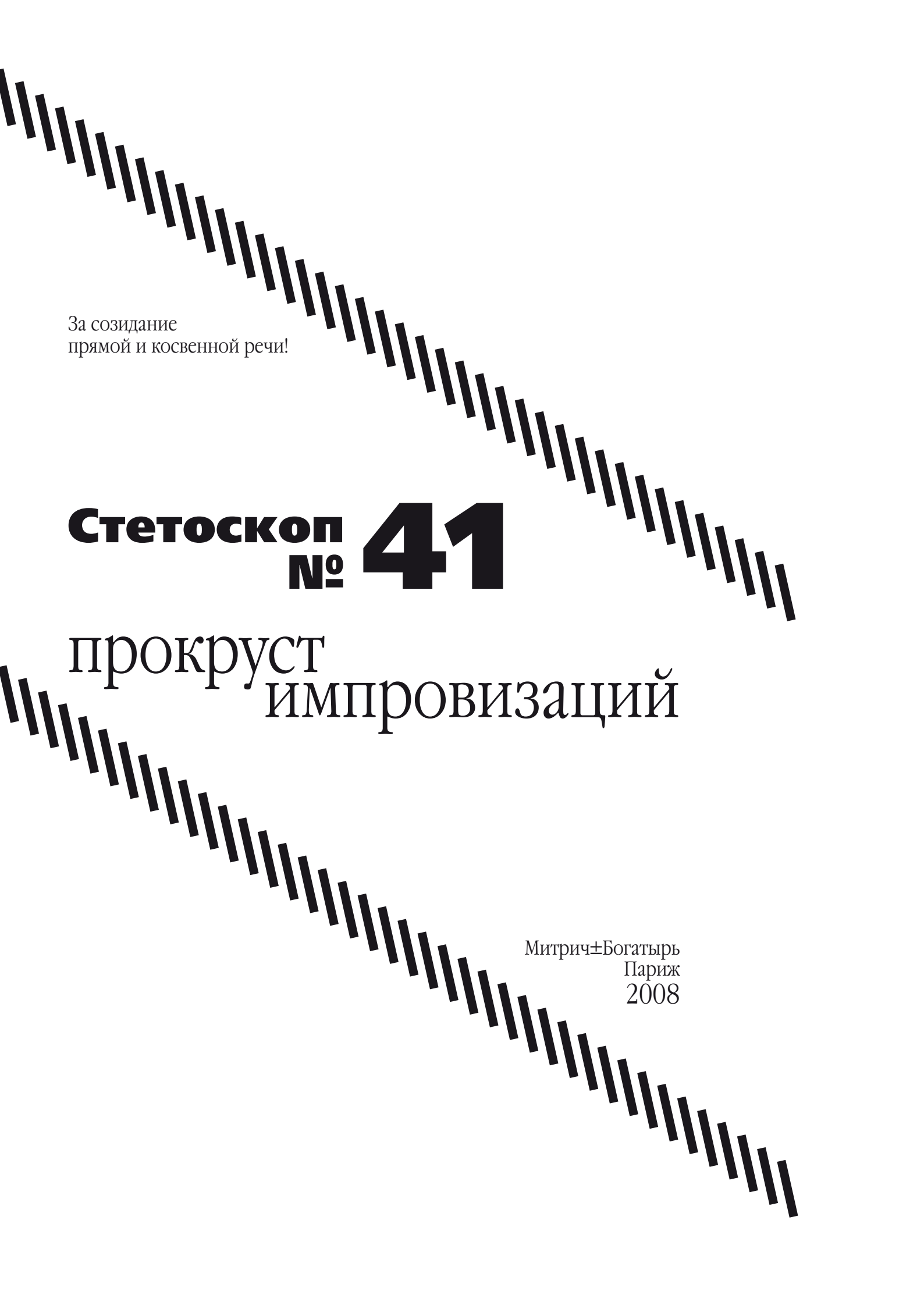

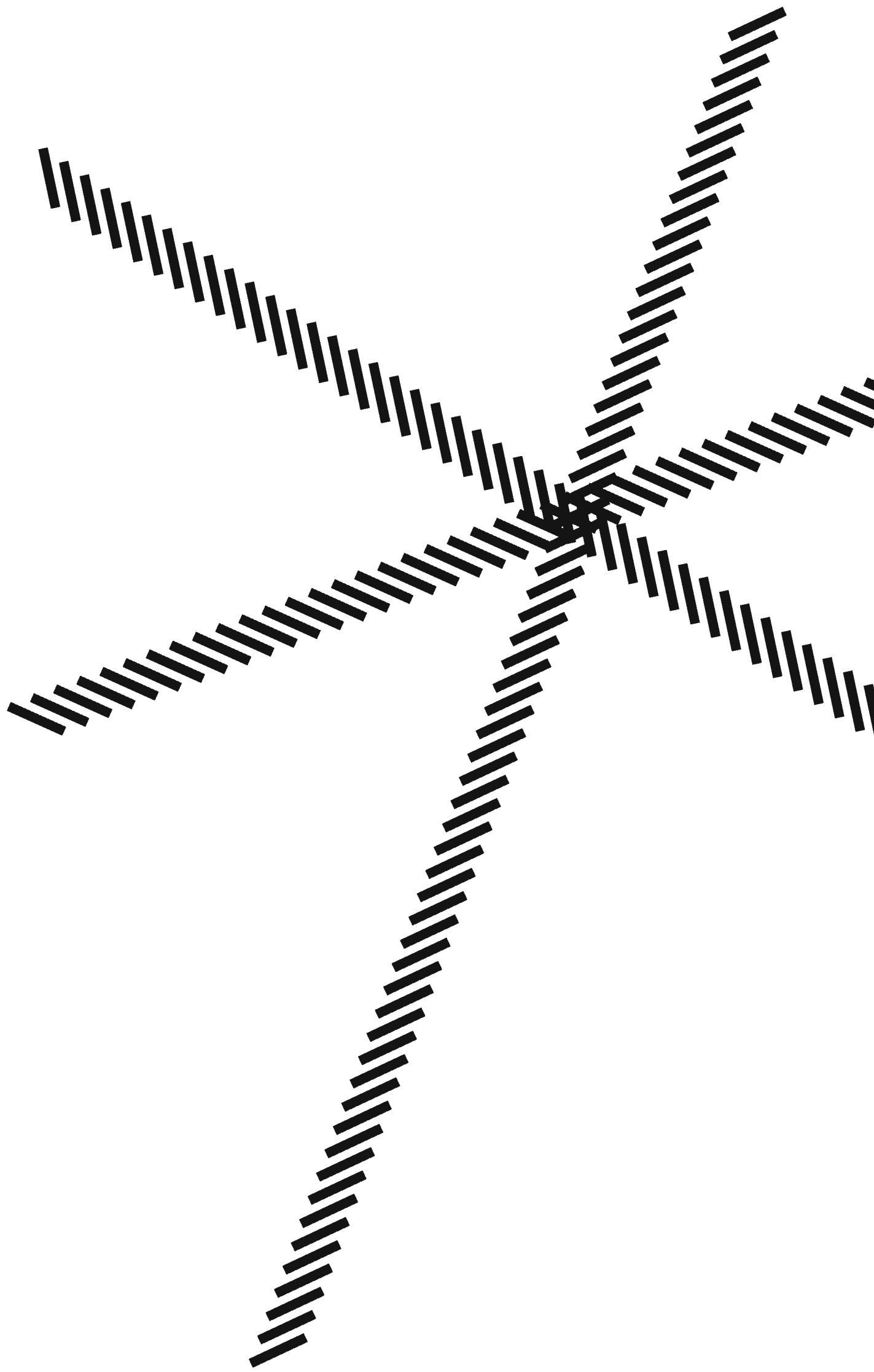

За созидание
прямой и косвенной речи!

Стетоскоп № 41

прокруст
импровизаций

Митрич±Богатырь
Париж
2008

прокруст импровизаций

Митрич+Богатырь. Концепт 1	4
Мультимедийное мероприятие (записки Богатыря)	10
Митрич. Твой выход	14
Кароль К. Стихотворения	26
Александр Елеуков. Постоянная игра на рояле	31
Михаил Богатырев. Артист современности. Стихотворения	38
«Читатели пишут»	44
Иван Рублев. Некоторые особенности самиздата. С иллюстрациями Артура Молева	45
Велодист Е. Коллекция проб	52
«Стетоскоп_ Aesthetoscope_2008»	55

При оформлении номера
использованы рисунки Митрича

Эта РАБОТА НАЗЫВАЕТСЯ ПИСАТЕЛЬ
Эта РАБОТА НАЗЫВАЕТСЯ ЧИТАТЕЛЮ
ОСЕНЬ ↔ ЗИМА

МЫ ЧИТАЕМ И ДЫШИМ, СЛУШАЕМ И ПИШЕМ,
МОЛЧИМ.

ЭТИМ ОБЪЯСНЯЮТСЯ
РАЗЛИЧИЯ В МЫСЛЯХ.

ВСЁ ГОВОРИТ О ТОМ, ЧТО НЕТ В НАЛИЧИИ ПИСЬМ

ЧТО-ТО [НЕРАЗБОРЧИВО],

А ЭТО-ТО И ЭТО-ТО

НА ВЫРУБКУ ПОЙДЕТ, ПОД ТОПОРОМ

СТУПЕНЬ ЭТОГО

ПРОЙДЕНЬ И НЕ ПРОЙДЕМ,

ДО СЛХ ПОР

концепт 1

РКААР
ЕКААР
УКААР
ЖЕТСЯИИ
ЛЕТСЯИИ
ДВИЖЕТСЯИИ
ВЯИЗЛУИИ
ОЮСЕРЕБРА

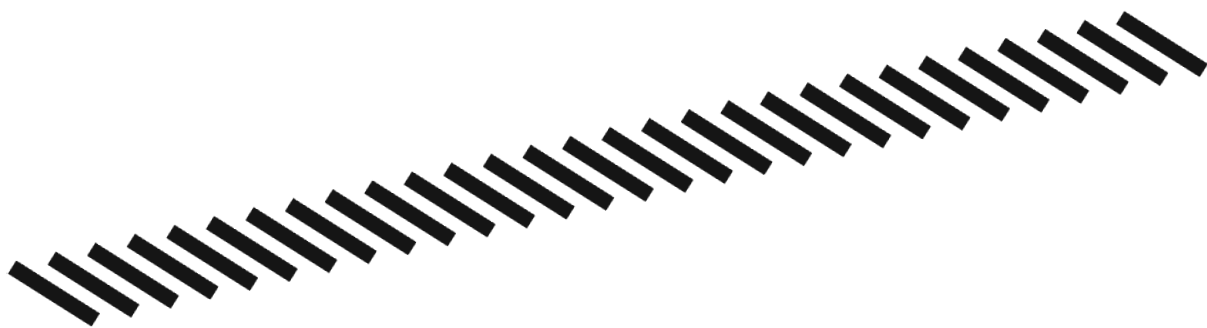
ВАРИАНТ-ИЛЛЮЗИЯ

Митрич+Богатырь

(Задание: обозначить искусствоведческий сектор работы)

5

Так
Пожалуйста
Спасибо

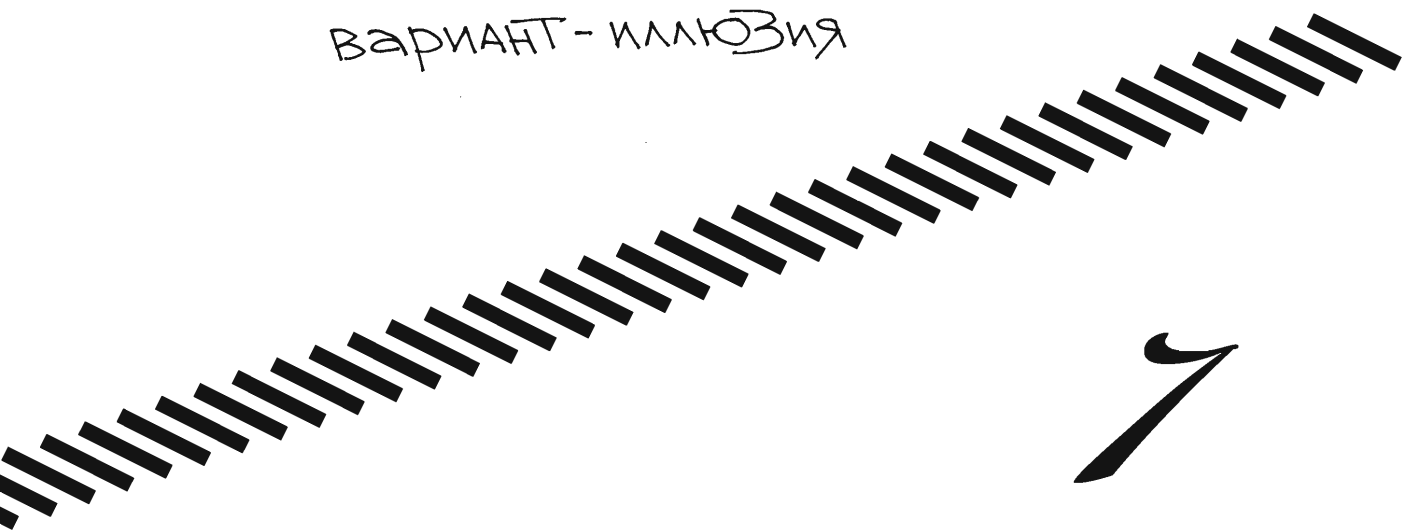

ВАРИАНТ-ИЛЛЮЗИЯ

ГУЧНЫЕ
НЕСКУЧНЫЕ
КАК ХАРАКТЕР
ХОЛМЫ

ВАРИАНТ-ИЛЛЮЗИЯ

ОЮБВИ
СТОБО
ИГЛОВОР
ЛИЛИ

8

ВАРИАНТ-ИЛЛЮЗИЯ

ТОЛЬКО СЕРДЦЕ
СРЕЖЕЩЕТ
В ГРУДИ

КАК ИСПОРЧ
ЕННЫЙ СКР
ЕПКОСТИ
ВАТЕНО

ДИАГНОЗЫ:

- а) искусствоведческий сектор работы нарушен
- б) другие диагнозы

ВЫВОД:

концепт 1 принципиально (не)формулируется

9

МУЛЬТИ- МЕДИЙНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ

*(Записки БогатыРя по мотивам совместной акции, которую провели
Елеуков и БогатыРь в театре «Особняк» (СПб) 11 августа 2007 года)*

Часть 0.

ЕЩЁ НЕ ВРЕМЯ или УЖЕ ПОРА.

Вместо предисловия

У интеллектуалов второй половины 19-го – первой половины 20-го века пессимизм был в большой чести; если вы не желали прослыть умственно ограниченным существом, вам следовало упорно провозглашать исчезновение религии, конец истории, конец эпохи, конец романа... Так что постмодернисты с их концепцией смерти искусства были не так уж и неправы (вариант: не так уж и одиноки), хотя их правду следовало бы воспринимать не саму по себе, как таковую, но в смысле прибавления ещё одного голоса к хору, занятому... каталогизацией падения тех или иных модусов культуры. Нет, искусства не вымерли, хотя и стали гораздо менее весомыми, чем раньше. Дело в том, что центр тяжести их сместился с непосредственного самоприроста эстетического продукта к повторному (вариант: бесконечному, бесконечно-повторному) изобретению велосипеда. Художник ведёт себя с красками и формами так, как будто он больше не знает, что это такое. Писатель употребляет слова не в том смысле, в котором их способен понять (вариант: воспринять) читатель. Само творчество становится накипью на маниакальном кипении профессионализма... При этом если с понятием профессиональный художник (вариант: оформитель, фотограф, драматург...) ещё можно как-то смириться, то уж понятие профессиональный поэт – бред сивой кобылы!

Развитие не-массовых (а следовательно и не-успешных!) форм творчества ставит адептов этих форм в положение изгоев из мира социума и технологий. «Изобретатель велосипеда» – вот визитная карточка нищих и неуспешных творцов! Не попав в струю, они обречены продвигаться посуху, на своих двоих. По крайней мере, извне, для непосвящённых, их жизнь и активность выглядят именно так... И всё же...

Нельзя забывать, что в эпоху сверхскоростей, когда компьютер и интернет становятся словно бы дополнительными психическими процессами, вместе с велосипедом изобретается и забытая форма человечности.

10

Часть 1. Теоретический джаз

(затакт: МУЛЬТИМЕДИЙНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ...) ...Это проект тотальной импровизации в рамках дискуссии и в то же самое время проект дискуссии (нескончаемого диалога) в русле тотальной импровизации. Почему в качестве рода деятельности избрана дискуссия? Потому что сегодня, когда синонимом произведения искусства становится всё, что угодно, когда границы жанров стёрты, а критерии нуждаются в непрерывном уточнении, именно круглый стол, за которым обсуждается возможность произведения (и как вариант – его невозможность), являет собой образец и оплот самой сути «произведенчества».

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ = ПРОИЗВЕДЕНИЕ

ПРОИЗВЕДЕНИЕ = ПРОИЗВЕДЕНИЕ В СУЩНОСТЬ

ИЗВОД ПРОИЗВЕДЕНИЯ = НЕДОСТИЖИМОЕ УРАВНЕНИЕ

Импровизация же определяется как тотальная, когда субъект(ив)ный и объект(ив)ный компоненты эстетического действия не подчинены один другому, но подобны двум независимо и параллельно разворачивающимся рядам образов, которые в произвольном порядке совпадений выступают как взаимодополняющие иллюстрации.

На данном витке тотальной импровизации человек и мультимедиа выглядят творческими партнерами, интерпретирующими друг друга по вышеописанной схеме. Как они поведут себя в дальнейшем, трудно предположить.

Представьте себе, что манипулированный (то есть обработанный определённым образом, кое-где подкрашенный вручную, кое-где подпорченный...) короткометражный фильм обрамляет выступление исполнителя-декламатора, который пространственно расположен на сцене так, чтобы не видеть происходящего на экране. И в то же время публика воспринимает самого декламатора как деталь экранного изображения, наподобие тапёра в немом кино. Определение артиста распространяется в данном случае не только на зрительный зал, но и на оператора видеопроектора.

АРТИСТ = СПЕЦИАЛИСТ ПО ДИНАМИКЕ СОВПАДЕНИЙ

Часть 2.

Критерии МУЛЬТИМЕДИЙНОГО МЕРОПРИЯТИЯ

В МУЛЬТИМЕДИЙНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ включены:

ФОТО- и ИЗО- РЯД

ФОНОГРАММЫ

ВИДЕО

ПЕРЕКЛИЧКА ЖИВЫХ ГОЛОСОВ

АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ: НАГЛЯДНЫЕ ПОСОБИЯ и Т. Д.

...Будучи формой критической реализации произведения, дискуссия по отношению к произведению может, тем не менее, носить характер не только позволения, но и запрета, впрочем, в конечном счёте и то, и другое не обязательно. Говоря иными словами, сумма мнений, выраженных в рамках дискуссии, может выглядеть так, как если бы некая картина или книга самим фактом своего возникновения словно бы свидетельствовала против себя, опровергая свою сущность, свою видовую принадлежность, но в то же самое время и оставаясь полноценным описанием проблематичности подобной рефлексии...

Как тут не вспомнить некий закон Эвверитта, цитируемый А. Очеретянским в докладе о смешанной технике (23 апр. 2002): «Неразбериха в искусстве постоянно возрастает. Только очень упорным трудом можно её уменьшить. Однако сама эта попытка приведет к росту совокупной неразберихи».

Часть 3. Структурно-динамическая импровизация или культурно-смысловой джаз

Культурно-смысловой джаз? Это не дефиниция, а поиск, НАЩУПЫВАНИЕ. После каждого слова здесь можно поставить знак вопроса. Ну, например, джаз. Попадая в контекст собственного герменевтического НАЩУПЫВАНИЯ (поиска), мы покидаем пределы общеупотребимого смысла понятия «джаз». Речь-то, оказывается, идёт не о музыке! И вообще значения слов выпадают из своих смысловых гнёзд. Между «структурой» и «культурой», «динамикой» и «смыслом», «импровизацией» и «джазом» можно смело ставить знаки равенства.

СТРУКТУРА КУЛЬТУРЫ
ДИНАМИКА СМЫСЛА и
ДЖАЗОВАЯ ИМПРОВИЗАЦИЯ

или

ИМПРОВИЗИРОВАННЫЙ ДЖАЗ
СМЫСЛ ДИНАМИЗМА и
КУЛЬТИВИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ

или так:

DJ_АЗЪ как невозможность установления исполнительского «ноу хау», ибо случайные совпадения мультимедийного и поведенческого рядов не поддаются учёту и прогнозированию. DJ_БУКИ как переплетение и взаимоотталкивание независимых иллюстративных рядов. DJ_ВЕДИ как активность «вижилирования», бодрствования, пришедшая на смену эстетическому позёрству и игровому артистизму предшествующих эпох.

Ну, а где же DJ_ГЛАГОЛ?

Часть 4. Голос современности

...В момент встречи голоса со своим звучанием рождается современность. О, это миг волнующий и страшный, как если бы вы без зеркала увидели собственный затылок! Катастрофа же состоит в том, что современность никогда не успевает полностью вступить в свои права, её субстанцию тут же скрадывает технология. Технологический процесс многоаспектен и сложен, он связывает в единый клубок технику и культуру, замещает и реконструирует состояния человека. Так, в недрах консерваторий тысячелетиями пестуют культуру пения. В ракурсе дискуссии культура пения может быть понята как борьба с... неучтённой версией озвучивания души. И вот, в контексте сей борьбы сам момент «подачи голоса» приобретает особую ценность, например, для поэзии. Поэты приходят к парадоксальному на первый взгляд выводу о том, что нет настоящей необходимости не только ЧИТАТЬ, но даже и записывать произведения, достаточно просто «подать голос», чтобы быть в хоре. Факт «подачи голоса» становится даже синонимом СОЛИРОВАНИЯ.

Вот так, собственно, и объясняются

КУЛЬТИВИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ,
СМЫСЛ ДИНАМИЗМА и
ИМПРОВИЗИРОВАННЫЙ ДЖАЗ

DJ_АЗЪ, DJ_БУКИ и DJ_ВЕДИ в игровой форме свидетельствуют о том, что дискуссия сошла со ступеней осмысленной постановки вопросов и перешла на уровень фонетики и ритма произношения.

Часть 5.

Особенности осуществления дискуссионного произведения, процессуальная часть.

ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

Для полноценного описания как самой мультимедийной акции, так и тотальной импровизации необходимо разъяснить её социальный смысл и очертать перспективы. <...>

Дискуссия может разворачиваться как в рамках неких конвенциональных соглашений, так и в неконвенциональной среде; опыт показывает, однако, что эти полигоны изолированы, они отгорожены друг от друга, их невозможно свести воедино, а попытки установить диалог чреваты конфликтами и когнитивными сбоями, или же скатываются в откровенную апологию хулиганства (вспомним «деяния» А. Бреннера).

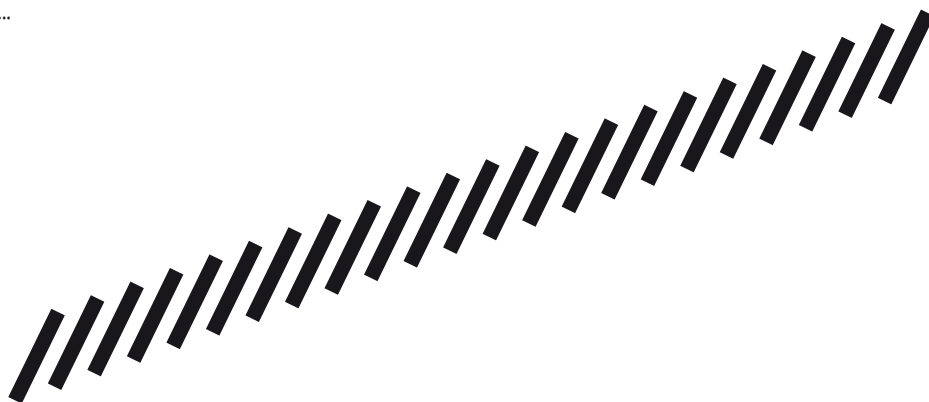
Так же и вопрос финансирования дискуссии в определённой мере способен повлиять на степень её свободы. Даже если инвестиции не ограничивают тематики, то уж во всяком случае они задают прагматический настрой. Импровизация же в рамках заданности рискует утратить тотальность. Хотя, с другой стороны, учреждение, культивирующее (и оплачивающее) такую вещь-в-себе, как тотальная импровизация, может быть находкой именно для российского типа государственности в плане реконструкции её культурно-исторического самопознания.

Часть 6.

Эхолалия

В среде интеллектуалов второй половины 19-го – первой половины 20-го века пессимизм был в большой чести; если вы не желали прослыть умственно ограниченным существом, вам следовало упорно провозглашать исчезновение и конец чего бы то ни было: религии, истории, эпохи, романа. У многих это позёрство вошло в плоть и кровь, до сих пор они роятся как осы, почуявшие сладкий яд неустроенности, душевной и телесной. Флюиды неустроенности мерцают во всех спектрах кулуарной культуры, от романтизма до всевозможного нигилизма...

Так что постмодернисты с их концепцией смерти искусства были не так уж и неправы (вариант: не так уж и одиноки)...

Boi Bixos

14

Ржод

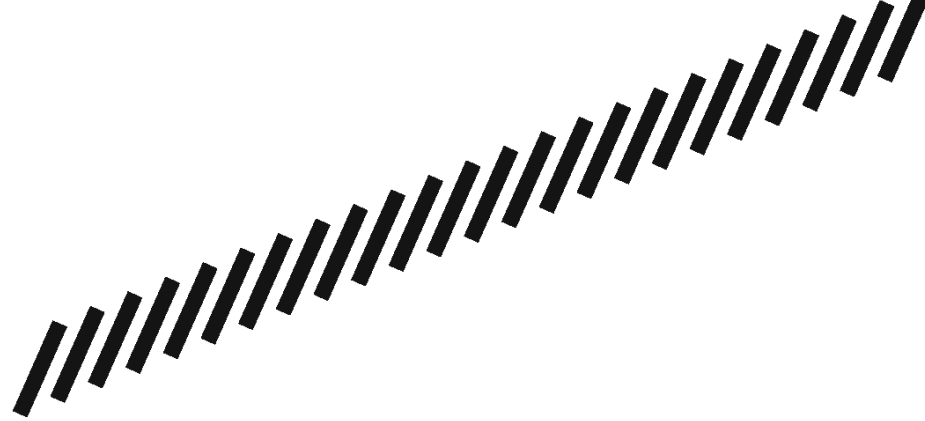
Митрич
ТВОЙ ВЫХОД

15

Выход
с
Крутой
Торной

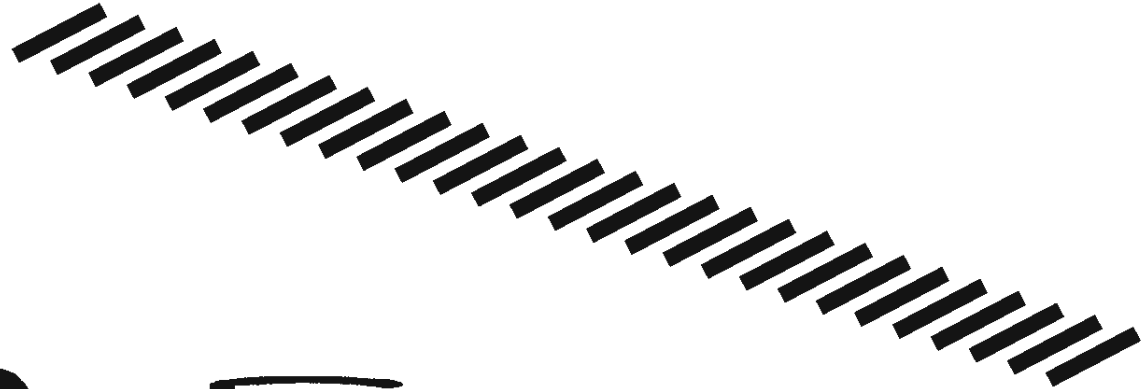
Чакла
Вихол
Левте
АТ?

ДВЕРЬЮ
ВХОД
ЯТ ПОКВА
ДРАТНОМУ
ЛУТУ

ВЫХОД
ЯЧЕЕНЕ
ДОРВУ
МЕНЕ

ВСУБОТ
Парад
ВХОД
ИМГОМ
АМС
ВХОД
Нойпропа!

РЬБОЛО
ВЫХОД
ИВПОТРА
ВЗАПРК
ДАЕТСЯ!

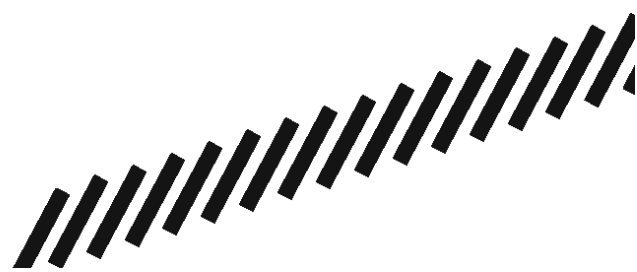
ВОТ
ВЫХОД
АБЪИМОЛО
ВЫХОД
ВИИДИТИ
АГМОЛОЖИ
ОГОДВЖЕНИЯ
?

ПЕТРОВИЧ
ИЗЗЗЗЗ

ВЫХОД
ОБОТОВАР

ВЫХОД
НЬЕХОДУИНА
ВУХОЛЕВОММ
ОХУ

А ВЫТО
ВХОД
ИТЬ ВНО
ТУ?

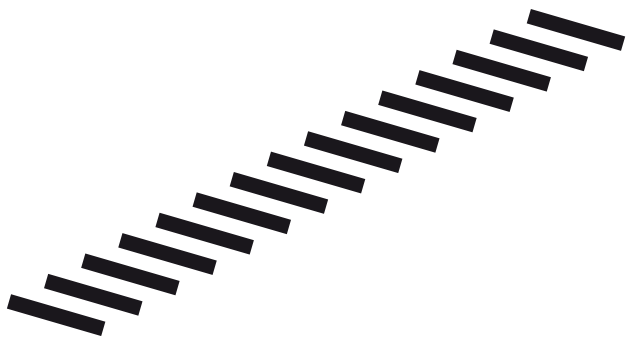

Выхода

НЕТ

25

Про это

Это стена. Стени. Усни. Тони.
Толк в коридор не узок и не широк.
Это висок, не русский рок, не год такой, не перевал,
это отверстый настезь рот, вот, я бы плевал, если бы мог. До дна. Целые дни.
Это колодец недорисованный твой, это проснись и вой, воробей, коса,
Это не смог и лёг, и потолок
легко, как в новелле По,
превратился в провал.
(Не уходи, побудь со мной новой весной)
Это сопля сползает медленно вниз,
словно сосулька,
всё – божья роса.
Вечно вперёд и вниз – это девиз.
Это слюна, чёрт, это слеза.

...

Не давайте детям солнце
Печи чёрен хлеб у них
Не глазеть себе в оконце
Лады стих
Да, дитя не отвечает да с известных пор
Без сомнения кончает неприятный непонятный неуместный разговор
Ерунда? Er und Da
Этот тот с галиматьёю увязался без порток
Я того-сего не стою это даже не намёк,
Кто себе пальга не строил, (а, как кошка, у окна -
Дескать, килограмм салата, стерляди, ну там пти-фур...
Чем земля наша богата – чёрным солнцем старых дур)
У того забот немного – степь, сомнения, дорога,
От порога до порога положи себе букет,
У того тоски об Бога, у того тоска одна,
Хоть бывает перекур – оглянись, ни зги не видно,
Это даже не обидно, это модус, это глобус,
Это джокер, это тур.
С полпути следа не стало, возвращайся-ка в начало,
Но не видно от порога до свободы лыка в строку,
Всё-то кажется далёко
От цейтнота до намёка, чья вина ничья
Вина, не позвать милицанера,
Это скверно, для примера, всё одной одна одна.

КАРОЛЬ К.

...

Я увижу эту весну.
Я в деталях её пойму.
Я найму её на работу
Чертёжницей хрусталя,
(Я) больничной сиделкой сиднем,
Профессиональной ковырялкой в саду
(Дальше я не пойду)
Годы напролёт, навывлет, не задумываясь,
Высь! Человек такое натворить,
Слава Б-гу не способен,
Слишком подобен.
Какая тема, ты что, с ума,
Кума?
Посошок невпримерно лучше.
Дура-пуля ревёт в падучей.
В нашем квартале стреляет тьма.
Весна красна.
Так. Никак. Знак.
Почётная пермутация
За выслугу лет. Нет.
Свет бел, как. Никак.
Дурак, что спросил за грифель.
Профиль. Муфель.
Суций Мефистофель.
Унесли его на носилках,
Положили в копилку
Булгаковского хозяйства.
А если всем вместе взяться,
Чтоб он
Был в соответствии окружён?
Знак: на дорогах ведутся работы
С воскресенья и до субботы
И с субботы до воскресенья
Под благословенною сенью
Весенней.

...

Я прописан во времени, у меня
Просто места живого нет,
И непросто, съедая пучок огня
И сплёвывая бензин,
Повторять на тракторе путь комет
Беззаконных, когда я гляжу на свет,
Когда я лежу один,
Есть мысль одна, но это фигня,
И я дружу с головой,
Поскольку не с кем, и говорю
Не с чёртом, не со стеной,
Не с вечностью, добрый храня обет,
Ах, если бы только бред
Кривлялся, слепки живого сня,
Ребёнком кряхтел во сне...
Забудь, прохожий, не про меня,
А вообще о весне.

...

Имена память роняет в дыру,
И меня. Неужели тоже:
уникальный вальс, когда я сотру
три четверти рожи
об асфальт, оформляющий статуи за горизонт
небывалого неба,
я тебя попрошу, будь по-прежнему твёрд,
как никто ещё не был,
чтоб из мятой бумаги, из памяти, мяты, осины со сна и звеня
острый глаз далеко одинокий и синий
проколол горизонт для меня.

...

43.

У меня нет глаз, чтобы плакать,
Головы, чтоб за неё хвататься,
Меня достали стихи,
Особливо рифмованная лирика.
И когда сердце обливается кровью,
Меня это не касается.
Он себя убил, пойду митинговать
На всех перекрёстках ночью:
Дети, не делайте так,
Это же плохо очень,
Он нехороший мальчик, дурак.
Знак.
Он не подумал о маме, о её кармане,
О своих ненаписанных картинах,
И вообще не подумал, не смог.
И даже не знал про СМОГ.

Больше не стану писать вперёд,
Только полный назад
(Эдак впору глаза в полутьме смежить,
Как механики говорят),
Только как рыб, открываешь рот,
Как исчезает брат.
По разуму, я имею в виду,
Но дальше я не пойду.
Пусть хорошо, голова в кустах,
Прочее на местах,
Но я никогда не прощу себе,
Что сидел на трубе,
Ухмыляясь своей судьбе,
Ни людям, ни себе.

Ты разрываешь теперь навсегда
Горе там, где беда,
Ты разрываешь сердце моё
На своё и твоё
Я хочу сказать, всё равно,
А вижу колодца дно
Дети, дети, не смеёте спать,
Не открывай окно

Ты разрываешь сейчас навек,
Бывший ты человек,
Тот, с которым не перечесть
Было, было бы есть,
Я – это просто мёртвое мы
В школе своей тюрьмы,
Я – это вдребезги бывшее мы,
Я – это тьмы и тьмы
Смертных.

Инструкция по открыванию консервной банки

Вскрывая консервную банку, в ней
Такое можно найти...
(Победа над скорбным перечнем дней)
Что лучше уж, и горек мой хлеб,
и сердце себя ведёт,
свобода спасибо, и сворка дней,
и с каждым не по пути,
и пепел в банку мою стучит,
и знаю всё наперёд.

Идёт один- другой по мосту
улиткой живой, ха-ха,
а если вспомнишь, скорей забудь,
затыкай нутром дыру..

Да будет доблестным твой путь
Обратно к себе в нору.

...

Выловить всё: тоска сказала:
сказку, лаковую землянику, молоко,
око, землю, длинное лето, то ли
лично нынче ночью ничто не менялось, но

маленькая универсально-ржавая дверь
в призреньё: от страха не быть смешными
вообще быть не могут
нами. Ими. Верь, дудочка, верь,
нас не оставит тоска. Не подставит имя.

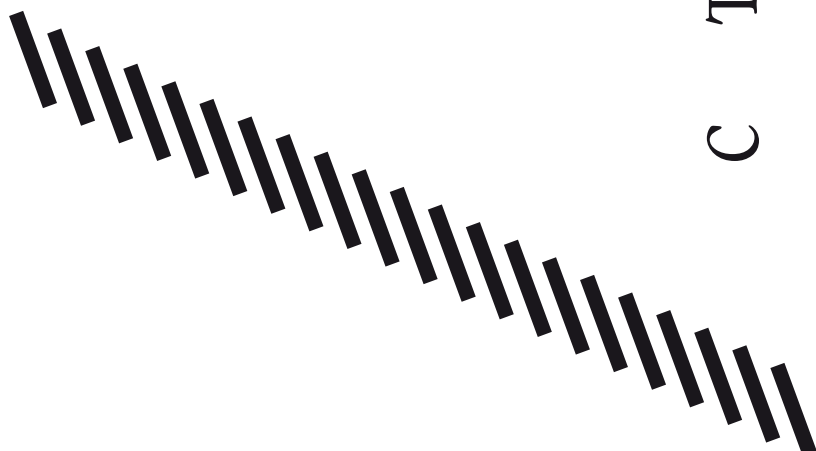
...

Разобрать сразу: разум образ ребро
бред дерева, в шелест его вовлекаем му-
чительно я читаю ай эм
миру рук горячее серебро –
мир, как ключ в кармане, во рту, на дне
в лощине, инее, гении злого корня,
в обмане, имени, племени, не во мне,
в ушах, в руках, во рту, ни хрена не помню.

Поройся в прошлом, в том, что пошло на слом,
в пошлом утешном запахе кухни с чаем,
ан мир взрывается роем, и невзначай,
бывало, задумаешься о былом,
но снова упорно в алефе видишь заин.

Я
И
Н
Е
Р
О
В
Т
О
Х
И
Т
С

30

Александр Елеуков

Постоянная Игра На Рояле

Постоянная игра на рояле смазывает черты любого пейзажа, любой перспективы. Тем более такого серого, по-осеннему влажного, как бывает в ранних сумерках, при въезде в незнакомый город.

Постоянная Игра На Рояле

Те, кто носит имена великих, или хотя бы мало-мальски известных, предшественников, до известной степени обречены на постоянное их присутствие в собственной жизни. Отсюда множественность имён испаноязычных народов, отчества русских, здесь же истоки потерянности, разливающейся над переименованными городами, и прочее, привязанное к слову. Истинная сущность различий между именами собственными и именами нарицательными заключается в том, что вещь наречённая из себя самой говорит своё имя, в то время как собственное имя – лишь благое пожелание собственнику, исподволь воплощающееся в его самости.

Постоянная Игра На Рояле

Приятно въезжать в незнакомый город вне ощущения, что это Пекин, Мюнхен или Новокраматорск: вкрадчивое движение за окнами неслитых в контекст обстоятельств труб, заводов и жилых строений поднимает до чувства близости к открытию, к проникновению, тем более сладостного, чем более надолго удастся удержать вязкое вращение мысли от сплетения грубой ткани обыденности. Подобно медлительному развитию музыкальной темы разворачивается в поступательном движении нотный стан перелесков, прерываемый речитативом заборов и нотками чадающих фабрик, басовые аккорды новостроек прерываются загадочными и манящими паузами проспектов, столь же мимолетных, как возможное развитие темы музыкального произведения в увертюре, мягко замедляющей ход перед началом основной части, и перрон, покачивающийся в мучительном предощущении завершения и вступления на твёрдую почву повествования о вещах, доступных прикосновению и потому не вызывающих этой неосознаваемой, детской тревоги.

Постоянная Игра На Рояле

Когда на небе таки распустился алый бутон солнца, в постепенности развеивая туман, скопившийся над городом, Иннокентий Небогов пробудился от тяжкого сна в месте неизвестном, но чем-то смутно ему знакомом. Это был вокзал, размеченный уборщицами, муторно перемещающимися по разноположенным плоскостям, в безмолвии, внушающем мысль о том, что сон продолжается и вот-вот должно произойти нечто пугающее, ужасное своей неизвестностью. И действительно – из-под решетчатого потолка резко и гулко, вдруг завывало басом – «...к четвёрчеплаттоймепритоивает прискорыплатмерме...» Иннокентий, вжав голову в плечи, кинулся в стеклянные двери и очутился на привокзальной площади. Огромная колонна, увенчанная остановившимися часами, чертила бесконечную тень по серой пустоши меж расступившихся домов. Иннокентий нашёл скамеечку, осенённую старыми липами, которые, создавая иллюзию отъединённости от внешнего, всё же не мешали ранним лучам светила слегка прогревать озябшее от неудобного сна тело товарища Небогова. Устроившись поудобнее, он погрузился в тщательнейшие воспоминания, имея целью постичь своё местопребывание и, соответственно с этим, пути возвращения в более привычные обстоятельства. Размышления его шли следующим образом.

Вчера вечером... вчера вечером я был... Надо попробовать начать с утра. Утром я проснулся, разбудил жену, она одела дочку в садик, дочка не хотела просыпаться, а потом расшалилась, я तोпилился проглотить бутерброд, тут позвонил брат и сказал... нет, у нас нет телефона, брат позвонил потом, на работу и сказал, что приедет через неделю... Нет, это было не вчера, а позавчера, потому что он сказал, что приедет в пятницу, а сегодня воскресенье – или нет? – Иннокентий посмотрел на часы, они стояли, – да, позавчера, а вчера я с утра сказал жене, что приезжает брат и что надо бы купить кое-чего к его приезду. Жена сказала, что надо, в серванте лежит червонец, а я сказал, что если только червонец, то можно купить пива... но где купишь пива в субботу... и детский сад в субботу не работает, значит, это было в пятницу... Но сегодня воскресенье... Почему у меня такое чувство, что сегодня воскресенье?!

На площадь торопливо вышла женщина, озираясь по сторонам. «Извините, пожалуйста...» – метнулся к ней Иннокентий. Женщина замерла, заблестела белками глаз и пролепетала срывающимся голосом: «Эс нэсапрот...». Или что-то в этом роде. «Нет-нет, – заторопился Иннокентий, заглядывая ей в глаза, топырившиеся куда-то сквозь него, – Вы скажите только, что сегодня – воскресенье?.. ведь воскресенье?..» Женщина, выбледнев до последней возможности, вдруг порхнула в сторону и пропала. Оглядевшись, Иннокентий успел заметить лишь край зелёного плаща, скользнувший в черноту переулка.

Я, наверное, омерзительно выгляжу, подумал Иннокентий. Он захотел посмотреться во что-нибудь, но все витрины были обращены к восходящему солнцу и ослепительно били яркими лучами по глазам. Даже луж на площади не было. «Ладно», сказал сам себе Иннокентий и, поместившись на прежнее место, вновь попытался восстановить события прошедшего дня.

Пусть брат позвонил в пятницу, а в субботу я проснулся, чтобы идти на работу и сказал жене, что надо купить чего-нибудь. Дочка спала, жена тоже и она сказала, что в серванте лежит червонец. Я подумал, что если суббота, то можно купить разве что пива, если повезёт. Наверное, так. Потом я пошёл на работу и только собрался было сбежать в магазин, как снова позвонил брат, да, он позвонил еще раз, он звонил всего два раза, он позвонил и сказал, что приедет не через неделю, а... в воскресенье, ему внезапно сместили командировку, и он будет утром в воскресенье, и его нужно встретить, потому что он что-то там везёт. Так, но сегодня воскресенье или нет? Чёрт, почему я не могу сообразить? Но, если сегодня воскресенье, значит, он приезжает сегодня... Он говорил номер вагона, но какой?.. не помню...

Голова не болела, и язык помещался в полости рта, был влажным, глаза немного слипались, и тело слегка ломило, но это только от жёсткой скамейки, на которой он провёл ночь. Он не был пьян накануне, однако его память отказывалась объяснить, где он и как здесь оказался. Постепенно Иннокентий спутывался всё больше.

...Жена сказала, что нет чистого белья и нужно взять у соседей, и вообще мы в воскресенье собирались пойти в театр, в кои то веки удалось достать билеты. А дочка, спросил я? – Дочку оставим у соседей. – Как у соседей!.. – возмутился я. – ...нет, дочка уже неделю как у бабушки, значит, я сказал, что брат приезжает тоже не так уж часто, а жена ответила...

На площади тем временем затеплилась жизнь – проскочили несколько мотоциклистов в одинаковых кожанках, постепенно появились прохожие, сначала торопливые, почти бегущие, потом уже более медлительные, но тоже настороженно оглядывающиеся и непрестанно приникающие к стенам, протянулись в одном направлении пустые, почти бесшумные троллейбусы, из потайных щелей вылетели голуби и зафлиртовали на пригретых камнях мостовой, изредка разлетаясь от далёких раскатов и вновь слетаясь к своим затейливым делам. Мужчина в сером, бесцветно-сером пальто присел рядом с Иннокентием и поглядывал на него. Спустя пару минут он решился начать разговор.

Извините, товарищ, что я вот так, значит, хочу поговорить, ничего-ничего, да вот, конечно, я понимаю, что это так нельзя, то есть, не положено, но если хочется иногда – иногда! – рассказать кое-что, а некому, домой придёшь, там пусто, ну, вы понимаете, я понимаю, вот и приходится идти на площадь и тут приставать, да нет, что вы, у вас, видимо, какие-то сложности, сложности! да, в общем-то, наверное, это именно сложности, хотя я никак не пойму, как эти сложности развязать, что ли... Они как бы сложности, но для меня они как будто и неразрешимые проблемы жизненного, да! жизненного порядка. Вы расскажите, – сказал Иннокентий, – расскажите и Вам станет легче и понятней как жить дальше.

Собеседник глубоко задумался на слова Иннокентия Небогова. Он как бы погрузился в себя и там тяжело ворочал глазными яблоками. Плечи его осели, драповое пальто мешком ниспадало на скамью.

Жизнь внутри, потому что снаружи темно и зима, потому что вчера был муторный дождь, потому что выматывают сны, похожие на дурные дни, и дни, похожие на дурные сны. Днище приснопамятной весны жизни протёрлось о камни – дней, поэтому, видимо, нет верней, как погружаться в холодную грязную воду жизни внутренней, несмотря на сыро, темно и холодно. Повторяя длинную мысль о необходимости, завершая, что ли, повторяя, отмечу всё же с известной надрывностью, что это не та жизнь внутренняя, что...

– Ну что? Что?! – вскричал Иннокентий.

Площадь резко потемнела. Опустились проулки, сочными стали огни светофоров. По небу неслись рваные зелёные облака, издали неся прерывистый грохот. Из-за крыши дома появилась и вцепилась перламутровыми когтями в оконницы верхних этажей фантазмагорично-большая птичья лапа, переливающаяся ромбовидными чешуинами метровой величины. Камни строения со скрежетом сдвинулись, несколько кирпичей, кувыряясь, полетели вниз вместе с мерцающими осколками стекла. Еще выше, в быстро несущихся облаках появилась металлическая голова и устремилась к площади...

– Ну что? Что?! – вскричал Иннокентий.

Серый драп скользнул между судорожно скрюченных пальцев, рука Иннокентия повисла в пространстве без опоры. Мужчина отвалился назад, как развёрнутая книга. Иннокентий заглянул ему в лицо, оно чернело остановившимися глазами и оскалом.

Постоянная Игра На Рояле

«Если мой внутренний мир это город, то пригороды его – горькая рябина на тонких прутиках последних озарений. Ехал на электричке, весь зелёный, пахучий и липкий, и вот, стою на перроне, такой чёрствый, чёрствый и холодный. Рядом птица дёргается на нитках ветра как сердце моё. Сиротой, сиротой. Как будто не ждал зимы, а завтра выпал снег».

Постоянная Игра На Рояле

По скамейке протянулась тёмная струйка. Лицо собеседника всё бледнело, становилось всё прозрачней и прозрачней. «Я об этом только читал», – подумал Иннокентий и, наконец, услышал близкие очереди и крики. На площадь, отстреливаясь, выбежало несколько людей в длинных одеждах. Они укрывались за углами, но, чувствовалось, что их силы были меньше, потому что они всё же отступали. Один из них упал, нелепо взмахнув широкими рукавами. «Швайнэ! Глиттшигэ нэттерн!» – вскричал другой и, выскочив на середину проулка, метнул гранату. Раздался глухой взрыв и крики. Иннокентий Небогов, замерев, смотрел на происходящее. Только когда рядом с ним проверещала пуля, он неловко упал на бок и закатился за скамейку. Он лежал, зажав уши руками, уперев открытый глаз в сухую травинку, до тех пор, пока не почувствовал пинок в левый бок. Перекатившись на спину, он увидел над собой мужчину с гладкими щеками. Мужчина кричал ему: «...хулдигс, хулдигс, хумус! Одэр кэртэ их ин дих, дэнн майн гуманизмус ист хундэ-мюдэ!» – «Я не понимаю...» – отвечал мужчине Иннокентий. «О, хэрцлосихькайтэн!» – возопил мужчина и, воздев ногу вверх, устремил каблук сапога на лицо нашего героя. «Нет!» – закричал Небогов, пытаясь защититься ватными от испуга руками...

Вздвогнув все телом, Иннокентий повернулся на другой бок и попытался вновь уснуть. Но левую руку стрекало иголочками, ныло сердце, и он, непроизвольно массируя затекшие члены, освободился от кошмара и ощутил себя в тёмной комнате с синеющим крестом окна. «Это сон», утвердительно сказал сам себе Иннокентий, «это сон». По квартире разносились обычные ночные звуки, сквозь которые прорывались слабые аккорды, слышащиеся как бы из-за стены.

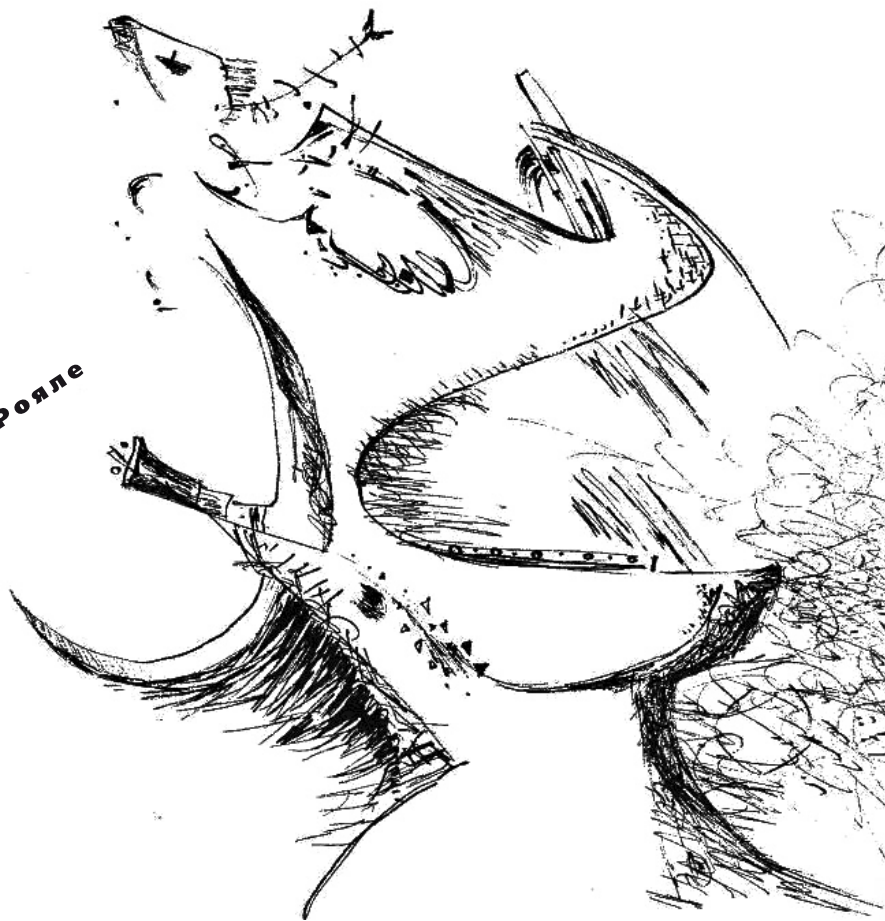
Постоянная Игра На Рояле

Мне кажется, что настала пора пояснить, почему принято считать, что постоянная игра на рояле смазывает черты любого пейзажа, любой перспективы. Не надо думать, что эта тема настолько проста и самоочевидна, как росчерк бледно-серой гуаши на дешёвой бумаге. На самом деле путаница чёрных и белых клавиш, монотония звучания сквозь стену, гротескные акварели в серых тонах и навязчивое желание сменить положение тела для того, чтобы избавиться от бликов, найти точку покоя или, наоборот, не упустить важнейший для понимания сути оттенков, всё-таки – на самом деле. То есть, повторяюсь, музыка, подобно крови сочится из расщелин зданий, подобно пару из скомканных туч, подобно Богу – из глаз сосредоточенных пешеходов, и, со-чась, – растворяется в том самом эфире, где обращаются наши души, внушая обманчивое чувство очевидности.

Постоянная Игра На Рояле

Постоянная Игра На Рояле

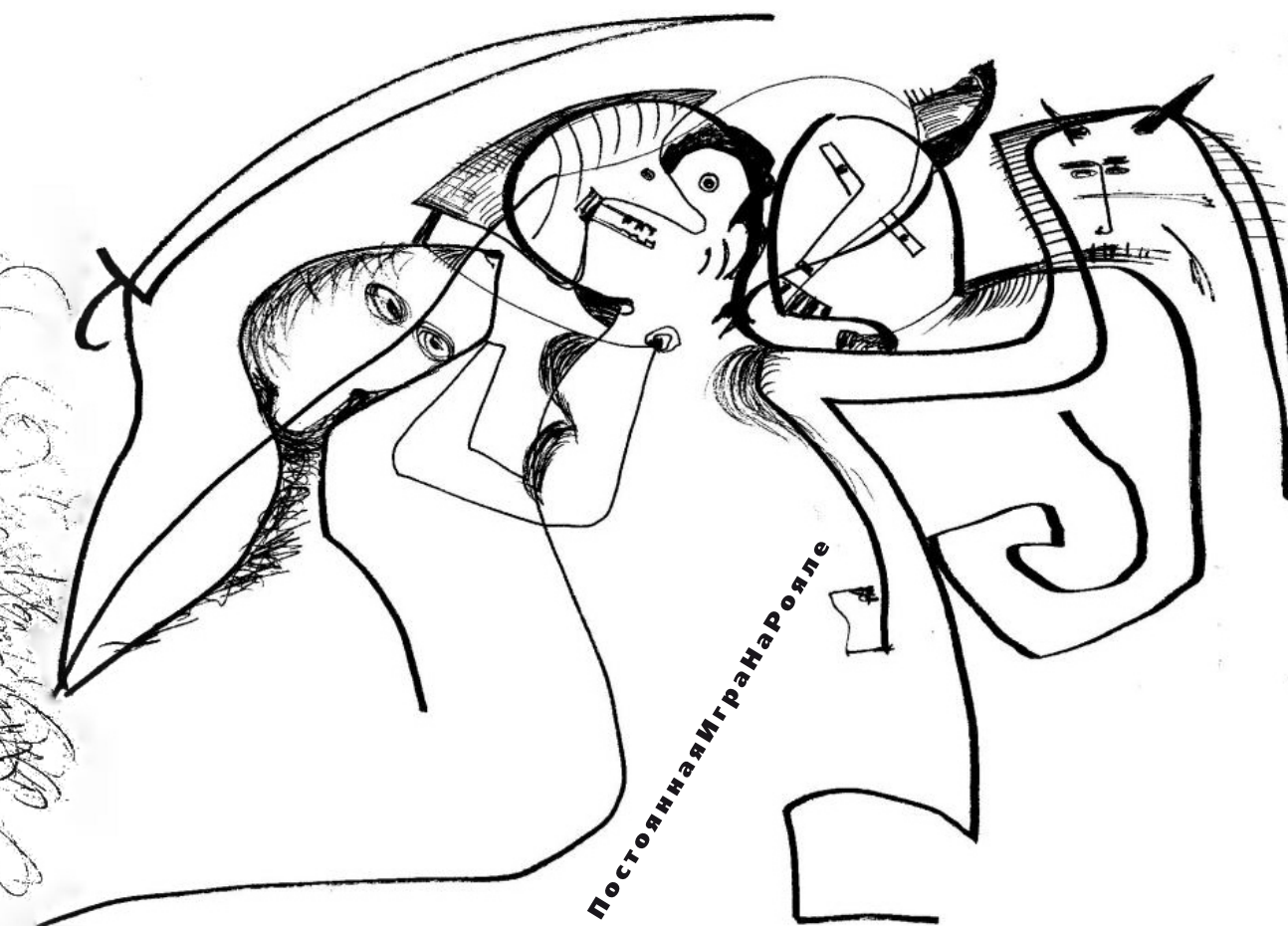
Прежде всего, надо отметить, что ни в коем случае не стоит воспринимать этот текст как реализацию некой мысли или некой воли – постоянная игра на рояле давно смазала конкретные черты движения мысли и даже самое направления движения воли. Постоянная игра на рояле – постоянная игра на рояле.

Если представить себе музыканта – полуслепого, костлявого, с шевелюрой из летающих прядей, он движет руками, шевелит узловатыми пальцами, и посторонний, проживающий в обстоятельствах перемещений среди кварталов абстрактных контор и ночлежек убогого быта, – посторонний слышит лишь стук пожелтевших от времени клавиш о сукно инструмента. Если представить себе музыканта как юношу, парящего в выморочных небесах в пику трамвайно-троллейбусному гоготу внизу, то, видимо, необходимо остановиться и пояснить, что рождение постоянного фона в горних сферах – неуместное дело. Всяк знающий переменчивость атмосферы будет праведно протестовать против такой диспозиции.

Собственно говоря, постоянная игра на рояле как бесконечное событие, происходящее за стеной, не требует музыканта, повторяю, не требует музыканта. Вечная субстанция Вселенной отторгнута ныне (с сотворения мира) от нас и постоянная игра на рояле, как бы слышащаяся из-за стены, слышится как бы из-за стены. Смазывает черты любого пейзажа, любой перспективы. И без правильного восприятия постоянной игры на рояле невозможно правильно понять описанное до этого и то, что будет написано ниже.

За окном синела ночь, постепенно выдыхая свою глубину.

Постоянная Игра На Рояле

Теперь Иннокентий Небогов деловито перемещался по просёлочной дороге, отрешённо выслушивая всякие глупости от случайного попутчика. Попутчик был случайный и говорил всякие глупости, благоглупости. Дорога шла вниз, в низине у обочины разлилась лужа, лужа было большая, просто огромная, даже не то чтобы лужа, а заводь, запруда какая-то. Попутчик продолжал говорить всякие глупости, но Иннокентий его не слушал, а напряжённо смотрел вперёд и под ноги. Иннокентий думал потом: «Может быть, это был мой брат? Где брат мой?..» Так иронизировал сам с собой. Навстречу, с другой стороны низины спускался грузовой автомобиль. Автомобиль приближался, а попутчик его совершенно не замечал, он говорил всякие глупости, болтал себе невесть что, вдохновенно жестикулируя. Автомобиль приблизился, резко взревел, Иннокентий подался в сторону и отвернулся, чтобы уберечь лицо от грязи. Когда он обернулся обратно в сторону дороги, всё уже стихло. Грузовик стоял неподалёку с заглушим мотором, а попутчика рядом не было, судя по всему автомобиль отбросил его в сторону, потому что в тот момент, когда взгляд Иннокентия наконец нашёл его, тот отрешенно погружался в воду. Подошёл водитель и встал рядом. Они стояли и заворожено созерцали, как опускается на дно тело мужчины. Вода была совершенно прозрачной, а мужчина погружался вниз сосредоточенно и вертикально. «Сейчас всплывать начнёт», сказал шофёр. «Да, всплывёт, а там, глядишь, и выплывет», откликнулся Иннокентий. И действительно, погружение мужчины замедлилось, потом совершенно прекратилось, а затем, он начал подниматься. Глаза его были открыты, но выглядели неживыми, они были мутными и остановившимися. И вот голова мужчины выскочила на поверхность, на мгновение задержалась и вновь ушла под воду. «Теперь всё», вздохнул водитель. Иннокентий промолчал, напряжённо наблюдая за тем, как его попутчик погружается в глубину, затем вновь так же вертикально и так же медленно поднимается вверх, но на этот раз уже не достигает поверхности воды, как он движется всё медленнее и медленнее, пока совершенно не застывает на некой, только

ему понятной глубине. «Всё», сказал водитель грузовика. «Да уж», откликнулся Иннокентий и наконец поднял взгляд на своего собеседника. Водитель тоже обернулся к Иннокентию и недобро смотрел на него. Иннокентий почему-то подумал, что они одни в низине, как Каин с Авелем.

Водитель нагнулся, не отрывая тяжелого взгляда от лица Иннокентия, и нащупал большую угловатую каменюку на дороге. Иннокентий резко отскочил в сторону, но споткнулся и упал навзничь. Мужчина надвигался, он явно намеревался запустить булыжником прямо в лоб Небогову. «Нет!» – закричал Иннокентий, пытаясь закрыть лицо ватными от испуга руками.

Постоянная Игра На Роле

Иннокентий Небогов бежал вдоль железнодорожного полотна, увлекая за собой сына, который спотыкался, неловко переставляя короткие ножки.

У Иннокентия во внутреннем кармане зачем-то хранилась фотография брата. Брат был запечатлён среди кустов малины, летом, у бабушки, он был в коротких штанишках и с пятнышком в уголке рта. Син до странности походил на брата – этого, с фотографии.

Сын неловко переставлял короткие ножки. Он недавно выучился бегать, выучился по призыву и не получал удовольствия от этого занятия. Тем более что бежать приходилось вдоль по насыпи – от полотна она уходила резко вниз, в сторону широкой и глубокой канавы, наполненной водой, ноги соскальзывали, бежать приходилось почти гуськом, и Иннокентий уже подумывал остановиться для передышки, когда навстречу им по рельсам надвинулся стремительный товарняк, угрожающе пыля по сторонам. Иннокентий отпрянул в сторону.

Ребенок безмолвно – из-за грохота состава – упал на бок, скатился в глубокую канаву, наполненную водой, и стал медленно погружаться. Вода была на удивление прозрачной, но дна не было видно. Иннокентий, опасаясь потерять равновесие, осторожно обернулся и увидел, как сын, увлекаемый инерцией падения, погружается в глубину, глядя на него широко раскрытыми глазами. «Сейчас он начнёт всплывать», подумал Иннокентий и изготовился поймать сына в момент всплытия того на поверхность. Состав грохотал. Погружение замедлялось.

От напряжённого ожидания Иннокентий Небогов почувствовал, что вот-вот выскочит на поверхность сна. Движение было вверх, и Иннокентий с досадой понял, что его движение быстрее, чем только что начавшееся приближение сына к поверхности воды.

Постоянная Игра На Роле

Был поздний вечер. Небогов понуро сидел в дальнем конце коридора, у окна, за которым изнемогал жёлтый вечер. Пейзаж был смазан. Невнятно, где-то играл магнитофон. За этот день Иннокентию пришлось перетерпеть множество всякой гадости – смертей, крови, насилия, недопонимания, бестолковости, ужасов, раздумий, испуг, любви, да, кажется, и любви тоже. Иннокентий Небогов был измотан, он смотрел в пыльный угол, потому что ему не хотелось смотреть в окно, за которым изнемогало жёлтое солнце. Ему не хотелось смотреть и в длину коридора, ветвящегося и прячущегося за поворотами и изгибами, напоминающего в неверном вечернем свете склеротические вены изнутри. Жёлтый свет терялся в загогулинах коридора, придавая ему вид пустынный и – обжитой одновременно, свет материализовался в неправдоподобные фигуры животных и людей, по коридору разносились обрывки их разговоров и короткие, неестественные смешки.

Там, по стенам, висели стенды с параграфами стихотворных уставов, как то: «Проживая между нами, не сорите под ногами... Быв прописан среди нас, забудь пиво, люби квас... Повторю тебе, скотина, – не тащи к себе дивчину!» и так далее. Иннокентий двинулся вдоль стены, прочитывая эти и другие строки. Он встречался с людьми знакомыми и как бы не очень – как обычно бывает в обыденной жизни. Потом он остановился и нацарапал под стендом обгоревшей спичкой, валившейся тут же, следующие слова: «Мне кажется, что мы живём почти два часа. Мы, видимо, больны – у нас лезут волосы. Ты думаешь, что вечный, потому что – талант. Но и тебе в окно таращится тысячелистник-мутант». Это получился параграф двадцать пятый (§ 25). Иннокентий задумался, нарисовал встречные стрелки между «мутантом» и «талантом», потом стёр.

К нему подошла женщина – нет, Иннокентий не знал её, но вроде бы боялся. Ему казалось, что женщина может вцепиться ему в лицо, и он отстранялся, но одновременно с тем ощущал мучительное желание.

– Твоя дочь сейчас спит. Дай ей это, – сказала ему женщина и протянула сжатую горсть.

– Да? – сказал Иннокентий, и женщина высыпала ему в протянутую ладонь пригоршню таблеток.

– Ей не будет больно. Она просто будет спать, – покивала головой женщина.

Иннокентий растерянно переминял ладонью жёлтые окатыши, женщина подхватила его под локоть, прижавшись грудью к предплечью, и увлекла в комнату. Дочка лежала в постели и внутренне готовилась ко сну. Пристраивалась душой к небытию.

Иннокентий вышел из комнаты и успел заметить, как женщина мелькнула в дальнем конце коридора. Жёлтый свет плыл и плавился на лампах дневного света. Иннокентий побежал было за этой стервой, но передумал. Он медленно двигался по коридору, черты пальцем по стене. Палец оставлял след и становился всё короче, словно кусок мела. Иннокентий остановился, «нет, так не может быть». Он зажмурился, потряс головой и посмотрел на палец – всё было в порядке.

«Как там дочка?» – подумал он. – «Не плохо ли ей?» Он вернулся в комнату и притронулся ко лбу ребёнка. Дочка встрепенулась и заперекатывала головой по подушке. Лоб был горячий. «Сволочь!» – бросил Иннокентий женщине, но та растаяла в неверном жёлтом свете, словно ее и не было. Иннокентий выскочил в коридор и бежал по коридору.

Постоянная Игра На Рояле

– ...ну, за такую цену я его ни за что не куплю!

– Да нет же, вы посмотрите внимательнее, он ведь очень прочный и будет бегать ещё лет пятьдесят. Ни одной пластмассовой детальки, ни одной резиновой прокладки – чистый металл!

– Но ведь он может ездить только по рельсам. Подумайте сами, зачем он мне? У моего дома нет рельсов.

– Это отдельный разговор. Я думаю, что я смогу помочь вам в этом вопросе. Конечно, рельсы нынче дороги, да и достать сложно, но у меня есть знакомые...

– Извините, – вмешался Небогов, – а как дорого вы его продаёте?

– По нынешним временам это совсем не цена. Семейные обстоятельства вынуждают меня искать избавиться от него, а ему цены нет. Это сейчас, а после войны это будет просто золотая жила.

– Но ведь у него нет концессоров, – вмешался в беседу покупатель, – А где сейчас достанешь концессоры? Убей Бог, сейчас проще купить новый трамвай, чем найти концессоры к старому.

– Нет, вы как хотите, я не настаиваю, – вдруг обмяк продавец, – Мне кажется, что этот товарищ гораздо больше понимает в этих вещах, – и он вопросительно обернулся к Небогову.

– Ну что вы! – смутился Иннокентий, – Да и где же я достану эти самые концессоры?

– Брунда всё это! – занервничал продавец, – вот сейчас же пойдем и достанем.

И они отправились на завод искать там какого-то Евгеньича, мастера по сантехоборудованию. Но Евгеньич, похоже, утратил всяческую материальность, он постоянно оказывался где-то в другом цехе, не пропадая из вида, но и не даваясь в руки. По баррикадам, дебаркадерам и бардаку индустриального пейзажа метались Иннокентий и продавец некомплектного трамвая, пока за стеклянной дверью...

Постоянная Игра На Рояле

...за стеклянной дверью как будто бы кто-то стоит, сомнительный от бликов. Иннокентий открывает дверь, а там – никого. Он проходит дальше, по коридору, он входит в комнату...

Постоянная Игра На Рояле

...ребёнок испуганно отворачивается к стене и косит на него из-за плеча. «Что ты, что?!» – «Я боюсь тебя... Я испугалась. Я думала, ты мёртвый...»

Извини, милая, как-то так получилось. Я совсем не хотел, я не знаю, как я буду без тебя. Наверное, ты права. Наверное, я уже мёртвый, но стараюсь не думать об этом... Я думал, что я живой. Но нет даже внутреннего кармана. Нет его! Автоматчики бегают где-то рядом и переговариваются неслышно. А эти гибели, эти смерти – ни фотографии, ни брата, ни креста в ночном окне. Только что-то клацает за стеной, кто-то бьёт по незвучным клавишам рояля и смазывает перспективу. клац, клац.

Михаил Богатырёв

СТИХОТВОРЕНИЯ

Соавторы

Ударяйте в барабаны,
Возвестите всем и вся:
Нынче Яков с Эстебаном –
Неразлучные друзья!

Строчка к строчке, слово к слову..
Пишут, шепчут и шипят..
Глядь, – стихи уже готовы.
Книжки выстроились в ряд.

Сочинители устали,
Захотели пить и есть..
В поле мухи пролетали,
И солдат им отдал честь.

Пять стаканов тяпнул Яков.
Разболелась голова.
«Одинок и одинаков –
Бесполезные слова».

Михаил Богатырёв

Артист современности

(тезисы доклада, прочитанного в студии «Альбатрос» 28 июня 2007)

Апелляция к современности при уточнении профессионального «резюме» артиста указывает на слабость его базиса, на хрупкость фундамента, на выпадание из вечности в сиюминутность. Современный артист (композитор, художник) показывает зрителю ткань своего каприза, материю шутки... К сожалению, по прошествии лет (увы тебе, «Моя жизнь в искусстве»!) шутка обрастает таким балластом серьезности, что смех уже не слетает с губ наподобие невидимых лепестков, но словно бы получает «приписку» к челюстной кости, к качествам ее звукопроводности. Смеяться серьезным смехом и вдыхать аромат искусственных цветов – вот удел гения современности! Вот уж действительно, –

Напрасно гений пустоты
Терзал прозрачные цветы.

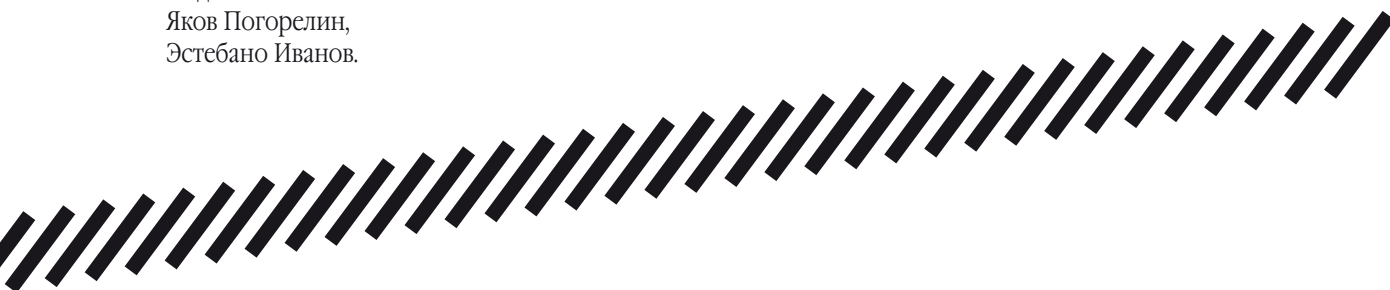
38

Эстебан (отметим в скобках)
Напечатал свой буклет,
Уложил его в коробку
Из-под соевых конфет.

Вся промаслилась обложка,
Да и слов не разобрать.
Но ведь автор, а не кошка
Нацарапал цифру пять?

«В облаках гуляют кони.
Вдоль дороги сны летят»...
– Эй, дружище, я не понял,
Это что за детский сад?

«Мы корпели две недели
Над разгадкой стихов».
Подпись:
Яков Погорелин,
Эстебано Иванов.

артист современности: костюм и роль...

Костюм – не сущность, а форма. Форма носит на себе отпечатки сущности, но всё же таковой не является. Можно сказать также, что актёр – это своеобразный мимико-пластический (и психологический) костюм для исполняемого в театре образа. И в символическом противопоставлении «актёр-костюм» выигрывает, конечно же, костюм. В самом по себе облегании тела тканью нет страдания. Это стиль... почерк... функциональность... Души же актёров, вынужденные облачать собою нечто чуждое, истерзаны лицедейством.

артист современности: сизифов труд...

Речь идет о новаторе постэкстатической эры, чей девиз: «Вне себя – как в себе, а в себе – как в неволе» ... О человеке «текущем», но без всякой примеси эманаций Достоевского, Ду Фу, Гераклита, не говоря уже о Вергилии, являвшемся Данту.

Речь идет о тех, в чьих душах столкнулись два подземных флюида: призрак Рода и призрак Театра, причем последний возобладал... Одержимые звериной гордыней самоумаления, эти люди растратили себя напоказ; выворачивая перед другими свое нутро наизнанку, они забыли о том, каков их подлинный облик. А в положенный час, когда приходит актерам время сходить со сцены и превращаться в людей, сюжет какой-нибудь чеховской драмы оказывается замкнутым в кольцо бесконечного самопознания :

– Дядя Ваня, ты почему плачешь?

– Я плачу, милая, потому что не могу выйти из роли... Заклинило что-то у меня в душе...

Ружье тем временем уберут со сцены, и кресла из зала вынесут на задворки, и когда, наконец, места согладатаев опустеют, всем станет ясно, что театр жизни выехал в неизвестном направлении. Иллюзион закрыт.

Что здесь теперь? Хранилище стекловаты?.. Канализационная секция?..

Поэтика тишины

Отброшен первый лист письма.
Беру второй.
Отброшен третий лист,
Четвёртый, пятый... Сотый...

Как вылетает из ума
Пчелиный рой,
И вся словесность вдруг становится сырой –
Тебе я силуюсь рассказать, но кто ты? Кто ты?

В холодном мареве колеблются слова.
Какие пчёлы, если улей недостроен?
Мой адресат! Я чистый лист поцеловал,
И показалось мне – ты сам себя назвал,
Только писать тебе аз грешный недостоин.

артист современности: фантазия и идеализм...

Момент возникновения искусства овеян тайной, затерян в египетской предвечной тьме. Однако мы можем извлечь на свет Божий вопрос о природе изображения (и более конкретно – о природе знака), ведь для этого нам придётся погружаться не только и не столько в дремучие дебри реконструированной доисторической безвестности, сколько в области, подведомые психологии развития. Если идеализм (и сама способность к отражению идеального) – это лад высокой духовной заданности, то что можно сказать о фантазии? Отвлеченное ли это качество от сущности человеческой, или же комбинаторика, неотъемлемая составляющая интеллекта, нацеленная на перспективу и новизну?

Может быть, фантазия – это только костюм для души (иногда не самый удобный)?

Отвлечься, как и развлекаться, конечно же, человеку необходимо (тут и переключение внимания, и отдых), но в то же время и чрезвычайно опасно (возможностью исчезновения, потраты души, подмены живой жизни сном). Этот дуализм необходимого и опасного вполне присущ и феномену искусства.

Михаил Богатырёв **с т и х о т в о р е н и я**

Два формата

1. Сумерки, и...

Сумерки, и – ничего не ясно.
Напрасна ночь как флакон пустоты
«В день свадьбы будут дарить цветы», –
Бесстрастно
шепчутся анемоны.
А тело выскользнуло из лона
Всё в чёрных лаврах. Ладонь без хруста
За горло сдерживала Прокруста.
Напрасна ночь, как склероз певца.
Фиалки в шторах, и – нет лица...

2. Обрывок текста

два прибавы
воден енезь
купно тле
елетен озох
штар на ды
и затрапез
его неез
одив лоО
ВЫ
логОВО
голоВЫ
актиг олозь
тке енземо
кет элех
отбары уво
ошмак КПК
езымаю ВКП

артист современности: иметь или быть...

Считается, что знаки, мерцавшие у истоков искусства, имели ритуально-мистическую направленность. Изображение в чём-то сродни овладению. Овладевая созидая, а создавая власть вершу. Сила знака, его причастность к власти, владению-овладеванию (вот и механический редактор из Word'a подсказывает: обалдеванию, овладению) может быть расценена как спайка (точка пересечения) эстетики и идеологии.

Если у романтиков – в идеале – единственным полноправным читателем произведения являлся сам автор, противопоставленный презренной публичности («поэт и чернь»), то в политизированном искусстве происходит подмена знака и содержания соображениями конъюнктуры. Так или иначе этот механизм срабатывает во всех видах «востребованного» художественного творчества, будь то Ростропович, играющий на развалинах Берлинской стены или, скажем, Саша Бреннер, пачкающий из пульверизатора в голландском музее картину Казимира Малевича.

Языкознание

1. Язык

Привыкло тело к языку (дался ему язык?)
Я изъясняться не могу (к устам моим приник...)
Зачем, зачем мы говорим (мы ЭТО говорим)
Как будто враг словам своим (а что за СЕРАФИМ?)

Язык понятий не вместил (где разум, там и страх)
С годами всё уходит в пыль (но ведь слова – не прах?)
Язык живёт в кругу имён (не властен здесь никто)
Сегодня – башня. Вавилон (а завтра что?)

2. Как? (Повезло)

Не столько ТРЕПЕТ, сколько ТРЕПЛЕТ.
Не столько ШЕЛЕСТ, сколько ЛЕСТЬ.
Понятий косвенных не счесть
И слов высоких: ДОБЛЕСТЬ... СТЫД...

Душа с душою говорит.

Как почтальон поймал полипа,
Как труд написан «Либо-либо»
Как в волнах плещется весло,
Так мне, должно быть, повезло.

артист современности: трансляция...

Есть концепции, согласно которым в глубине культуры ничего никогда не создавалось, но имела место ТРАНСЛЯЦИЯ. Знаки всего лишь транслировались человечеству в определённой последовательности и через определённые интервалы, как кадры на ленте диафильма. Однако вопрос о природе трансляции в таком случае остаётся открытым, к тому же само понятие культуры, отстранённое от Христа, от моральных ценностей, лишается будущего и скатывается в небытие. Неужели вся эта трансляция происходит только для того, чтобы, как пишет атеистически настроенный Жан Бодрийяр, после смерти знаки были считаны с сетчатки глаз и показаны на экране инфернального кинематографа?

артист современности: относительность футуризма...

«Новое» то и дело подсекается «старым», оно устремляется в «старое» как в воронку, если не удерживать его под контролем. Принцип лестницы, превращённой в воронку: намеренно громко стучат каблуки по ступеням перевернутой «лестницы в небо», однако левая нога почему-то устаёт скорее, и вокруг левой ноги лестница-то и завивается в спираль...

Правило буравчика, выхваченное из полузабытой школьной программы, да куцая марксистская спираль истории аккомпанируют импровизированному неосуфизму. Те, кто занят в этом ритуальном кружении, не замечают, что маховик времени остановился, что слова соскользнули со своих значений, как гайки с крепёжных винтов при сбитой резьбе.

НИКОГДА...

...И вот, чтобы не нарушать будущего, я решил никогда больше не записывать мыслей, в крайнем случае – надиктовывать их на цифровик, но и это не обязательно. И дело не в том, что мне лень крутить пером по бумаге или недосуг формулировать идеи. Просто соприкасаясь с мышлением как таковым, я автоматически оказываюсь в положении чистильщика авгиевых конюшен; передо мной простираются груды принципиально непроживаемого материала. Как любит шутить наша Ирочка, «мышление, знаете ли, совсем несъедобная штука».

Определённую роль в словесном самовыражении играет также УХО, то есть образ мысленного поверженного, которому адресуются (или в более грубом случае «сливаются») все референции. Получается, что само существо выражаемой мысли зависит от формы и структуры уха.

ТВОРЧЕСКИЕ СОЮЗЫ...

Бывает так, что есть из чего выбирать, но нет самого существа выбора, отсутствует то ли волевой компонент, то ли дифференцированный подход к реальности. Всё едино. К сожалению, в жизни встречаются такие ситуации. Духовный кризис, связанный с невозможностью выбора, поэтически описан Мешей Селимовичем в романе «Дервиш и смерть».

Дефицит выбора отражается в речи. Нагрузка причинности ослабевает, и, соответственно, исчезают предлоги. Поначалу они могут хаотически перемешаться: над и под, в и на начнут подменять друг друга в смеховом сознании. Но смех не в состоянии звучать вечно; это лишь этап освобождения от причины, механизм его действия мгновенен, а развитие происходит по затухающей. После предлогов основными крепёжными элементами речи остаются союзы. Особенный смысл приобретает перечисление, оно способно растворить в себе проблематику выбора, осложнённую недеянием. Соединительные союзы И, ИЛИ выступают под флагом перечисления.

и то, и это, и (или) то, или это
И ИЛИ всякая информация
предшествует самой себе

Так реализуется СКАЗКА ПРО БЕЛОГО БЫЧКА или ДОКТРИНА ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЙ ИНФОРМАЦИИ.

Чистый лист

Из серии «Творчество наших читателей»

..... автор

..... название

44

Иван Рублёв

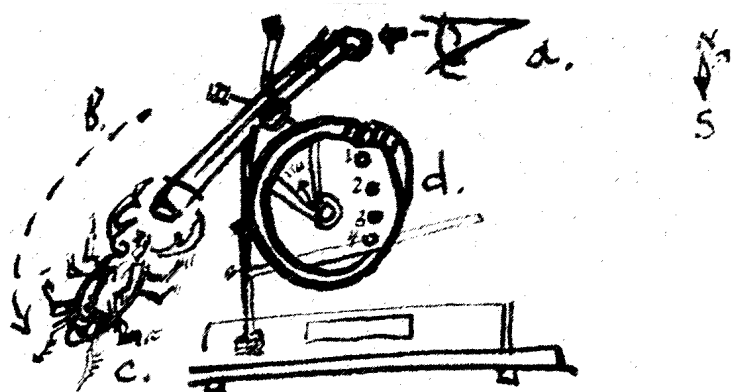
Некоторые особенности самиздата

Вакуумный вариант. Book-art. Вопрос финансирования.

С иллюстрациями Артура Молева

Давным-давно, помнится, Рене Герра рассказывал нам о неимоверной продуктивности художника Сергея Шаршуна (Париж, 50-е годы). Речь зашла о многочисленных книгах, брошюрах и манифестах художника (в том числе о «Романе без героя»), которые тот изготавливал за свой счёт, а потом раздавал направо и налево. «Из этого очень мало что сохранилось, – подчеркнул Рене, – и в первую очередь как раз потому, что он раздавал бесплатно. Люди не ценят таких подарков, они их не видят. По большому счёту им безразлично, книга это или открытка».

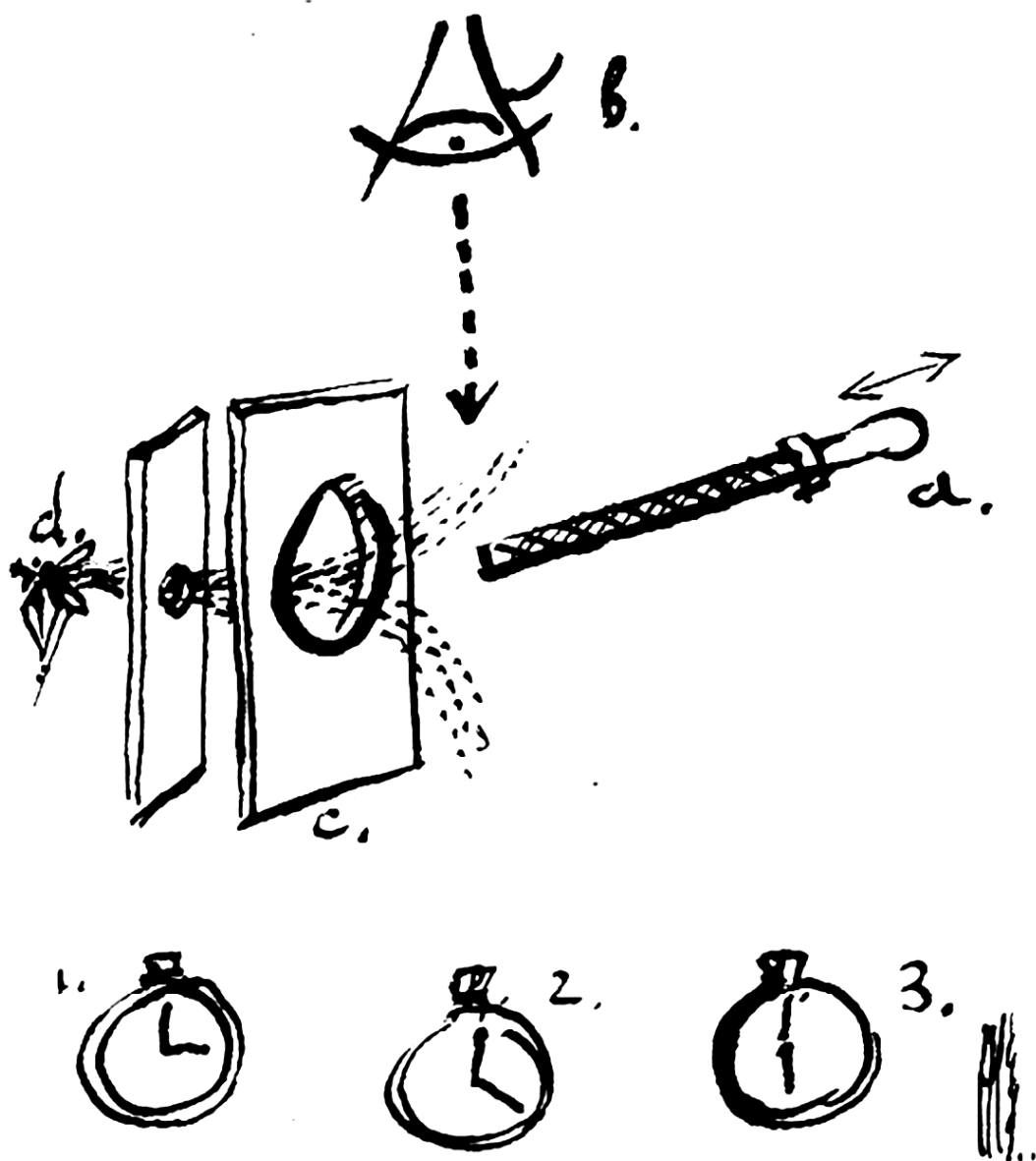
STETHOSCOPE.

СТЕТОСКОП.

Так же, как и Шаршун, я никогда не рассчитывал на продажу своих рукодельных книг. У них заведомо некоммерческий статус. Однако именно поэтому я считаю себя обязанным затронуть материальный аспект их производства. До тех пор, пока у меня примерно раз в полгода верстался (самовёрстом!) один поэтический сборничек, вопрос его финансирования можно было благополучно оставлять в тени. Нынче же, когда счёт пошёл на десятки книжек, выпускаемых одновременно, замалчивать данный аспект я не могу, да и не считаю возможным. Хотя бы уже по одному тому, что это часть судьбы моих произведений.

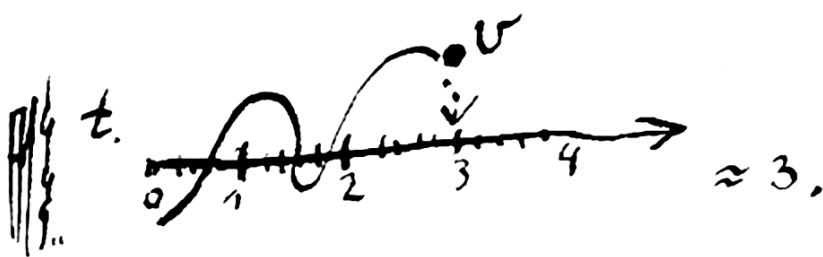
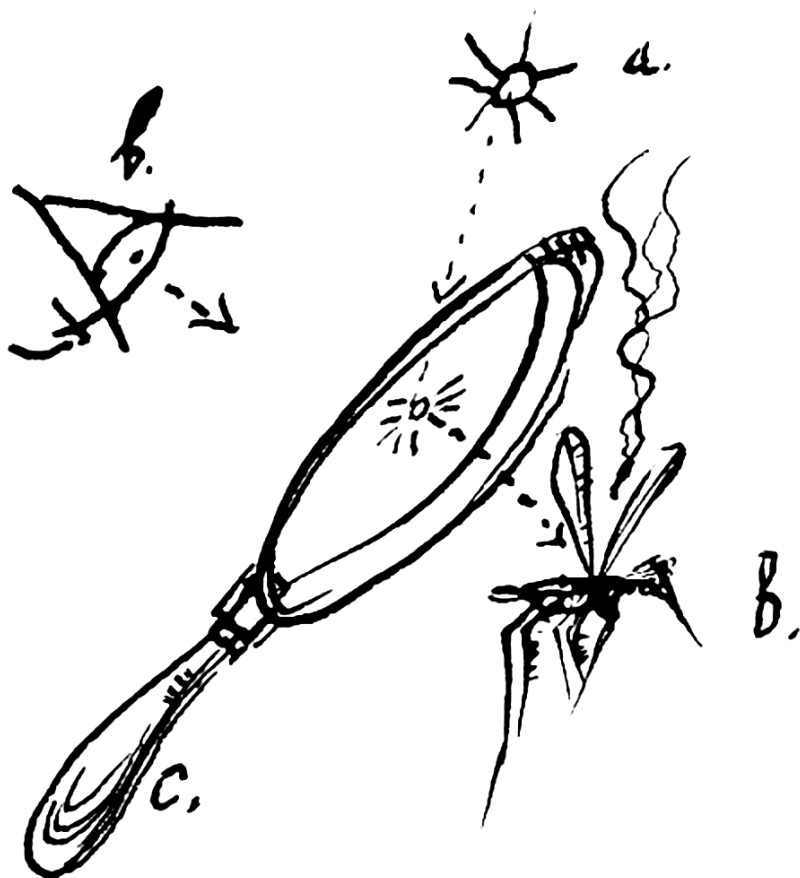
рис. 1.

В культурном бессеребренничестве нет никакой особой идеологии. Умел бы иначе – поступал бы иначе. Но умею именно так, и – следовательно – другого не дано. Поэтому нет ни злости, ни зависти, ни желания сравниться с кем бы то ни было. Есть, пожалуй, некоторое сожаление, связанное с почти полным на настоящий момент отсутствием «реципиента»: читателя, слушателя, публики. Может быть, это просто закончился интенсивный период творчества, и начался экстенсивный, сверчково-запечный?/.../

Итак... Предварительный макет книги я изготавливаю по старинке, как делал и десять лет назад, в Word'e. Объём – максимум 75-80 страниц – продиктован мощностью электрического скрепкосшивателя. Нумерация страниц не выставляется, это сложно рассчитать, потому что корпус книги рассредоточен в пяти-шести текстовых файлах (*.doc), объём которых не должен превышать 2-х мегабайт, чтобы иметь возможность хранить информацию в виртуальном почтовом ящике (yandex.ru, это российский сервер, и дубликат – на европейском gmail.com). Таким образом вся книга существует в виде «среднетяжёлых» писем, которые я посылаю сам себе на два адреса (на всякий случай), при этом доступ к материалу мне открыт практически с любого компьютера, подключённого к сети.

рис. 2.

Окончательный макет склеивается вручную в формате А3: 20 листов размером 42 x 29,7 см, причём каждый лист составляется из 4-х страниц формата А4 (21 x 29,7 см). Итого 80 страниц. Тариф фотокопировальной лавки на Пляс Бобур: 4 сентима за чёрно-белую страницу. Задавшись целью изготовить десяитомник своих творений тиражом 12 экземпляров, я должен произвести следующую калькуляцию. 12 x 10 = 120 книжек. 120 книжек x 80 страниц = 9600 страниц фотокопий.

Рис. 3.

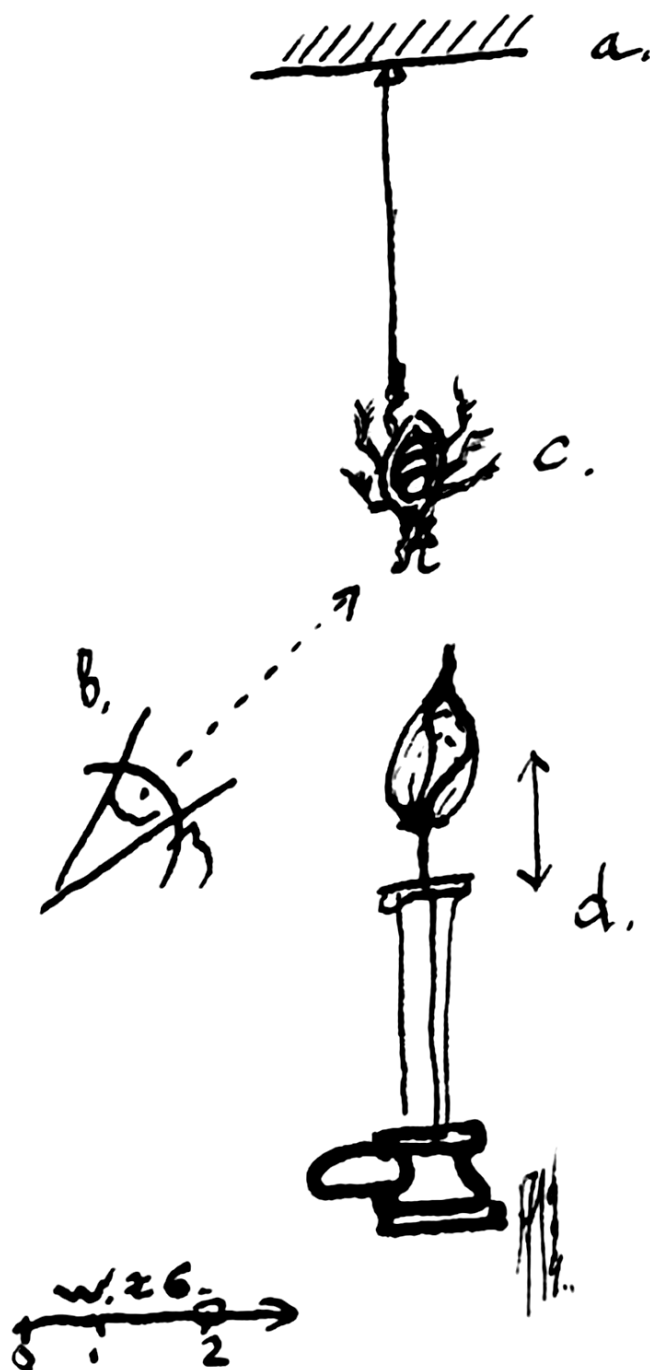
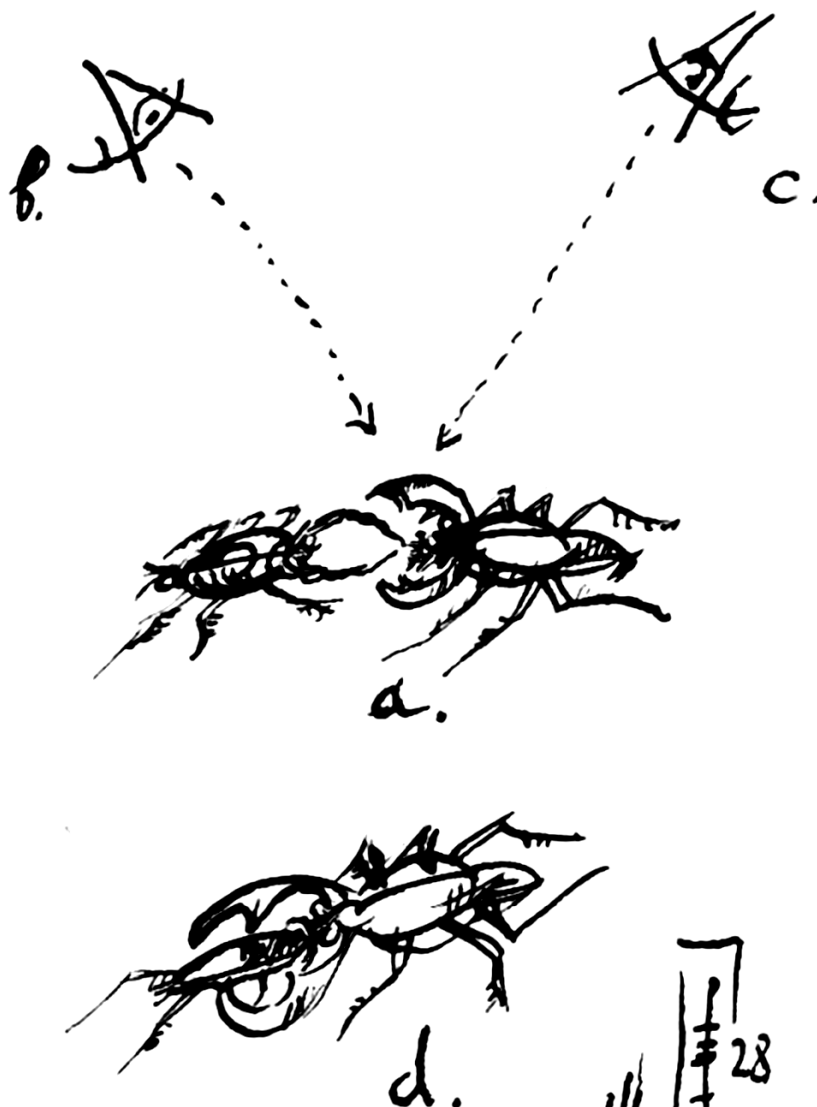

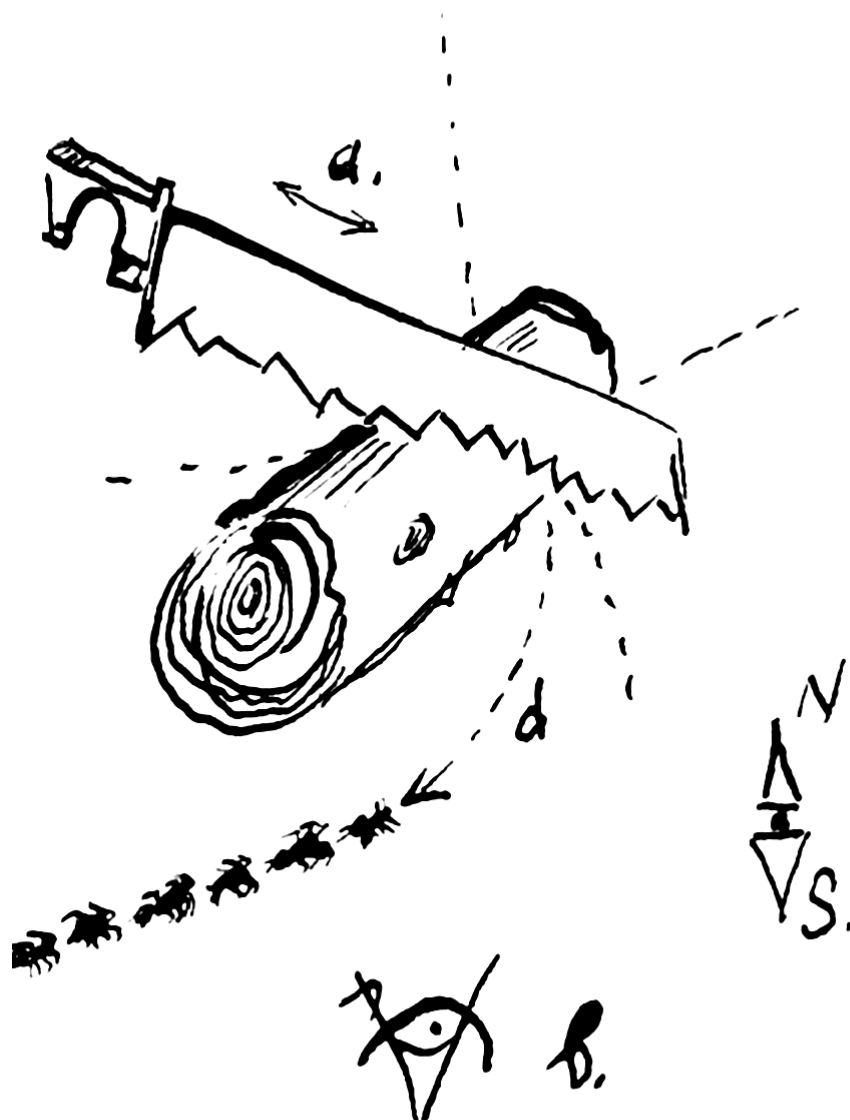
РИС. 4.

Сюда следует приплюсовать 400 страниц, которые неизбежно уйдут в брак: пробы, сбои в настройке копировального устройства и т. п. // $9600 + 400 = 10\,000$ страниц // $10\,000 \times 4$ сантим = 40 000 сантимов или 400 евро // $400 \text{ евро} : 12 \text{ экземпляров} = 33 \text{ евро } 30 \text{ с.}$ предварительная себестоимость одного десяти томника //

Плюс 30 с. сшивка + 30 с. обрезка каждого экземпляра из десяти = $30 \times 10 + 30 \times 10 = 600 \text{ с.}$ или 6 евро // Плюс 1 евро – печать обложки на более плотном листе (бумага 150 грамм, формат А3) // Таким образом себестоимость одного экземпляра фотокопированного (ч/б) десяти томника (при условии бесплатного макета и вёрстки) выходит: $33 \text{ евро } 30 \text{ с.} + 6 \text{ евро} + 1 \text{ евро} = 40 \text{ евро } 30 \text{ с.}$ // Округляем до 40 евро. СОРОК ЕВРО.

РИС. 5.

$d \approx w.$

А ТИРАЖ 12 ЭКЗЕМПЛЯРОВ ВЫСТРЕЛИВАЕТ УЖЕ В 480 ЕВРО. ЭТО НЕ СЧИТАЯ ТРУДА!!!
Ситуация абсурдная и в то же время экзистенциально-типическая. При условии подобной вложенности средств и усилий автор перестаёт понимать, что ему делать с конечным продуктом своего труда. Раздавать невозможно. Продавать дорого.
ЧТО ДЕЛАТЬ?

50

Рис. 6.

Остаётся одно:

различно планировать стратегическую архивизацию.

Велодист Е. Коллекция проб

ЛАД [Д_а]
 САД [_{ыт}Ы:]
 РОЙ [:]_и[,]
 ОЧИ [■]
 МЕЛ [↑Ы]
 ДЫМ [_мЫ]
 ВИД [Н_оО_{Σ≠∞}]
 ЧИН [$\models i \models$]
 СОК [_{it's}О'К]
 ЛЕС [сссс]
 РОВ [_{боп}]
 ПРО [1]
 НАД [Ω]

КОЛЛЕКЦИЯ симфонических СОЧЕТАНИЙ

ВИД_{[it's} O'K]

ПРО[*Ω**]НАД

ЛЕС [сссс]славы и ус слова

ВКУС ЛАД [Д_а], мелькум смелости

уКУс и уКсус _{из} оловянной обновы

САД [Ы:] без дыма; O_n обомлель остыл
Відчин [т̣=і̣=т̣] но скроюся: яд наяд и
МЕЛΩ [ДЫ:] сс окола недоНАДО
[мЫ] вы СОК 'O
[Σ≠∞]

КОЛЛЕКЦИЯ симфонических сочетаний

Стетоскоп Aesthetoscope

Готовится к выпуску очередной выпуск альманаха «Стетоскоп_Aesthetoscope_2008». Альманах становится цветным и по традиции выйдет в свет с приложением мультимедийного CD.

На мультимедийном CD:

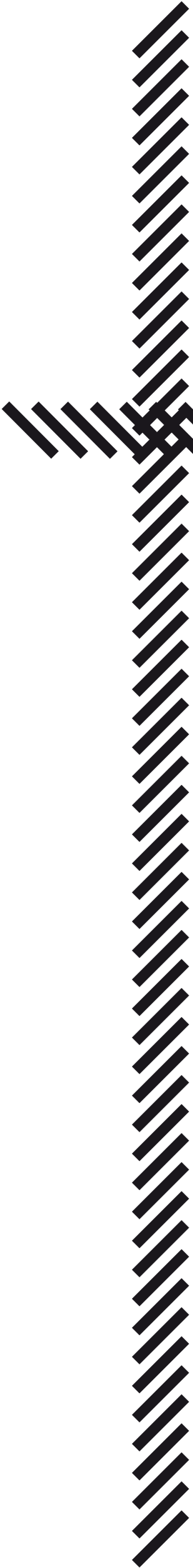
– обновленный и дополненный архив парижского литературно-художественного журнала «Стетоскоп» за всю историю его выхода в свет;

– Велимир Хлебников, «Творения» с иллюстрациями Александра Путова (Бретань).

Александр Путов родился 9 марта 1940 года в России, в городе Каменск Ростовской области. Учился в Московском Архитектурном институте. С 1986 года живет во Франции. Замечательный живописец и график. Проиллюстрировал произведения Велимира Хлебникова прямо на полях книги «Творения» (изд. «Советский писатель», 1986). Камиль Чалаев отсканировал этот уникальный экземпляр, а мы представляем его в электронном виде вашему вниманию.

Редакция с прискорбием сообщает о кончине художника Александра Путова, представителя волны русского нонконформизма, замечательного человека, который и в творчестве, и в жизни находился в непрерывном духовном поиске, остро реагировал на всяческую несправедливость, был идеалистом в самом высоком смысле. Мы всегда будем тебя помнить, Саша!

В библиотеке «±Стетоскопа» вышли в свет следующие книги:

Митрич+Богатырь. Искусствоведческий сектор. – 20 стр.

Currente calamo. – 16 стр.

Шлагбаум. – 40 стр.

Книги о художниках (серия из трех книг: «А», «В», «Б»).

Ответственные за выпуск номера:

Ольга Платонова и Александр Елеуков

Для писем и заказа журнала:

в Париже –

Platonova Olga, e-mail: steto@club-internet.fr

в Санкт-Петербурге –

Александр Елеуков, e-mail: stetoskop@mail.ru

Электронный архив издания и редакционный портфель журнала

www.aesthetoscope.info

aesthetoscope.livejournal.com

ISSN 1295-4918

Часть тиража оформляется как *графическое* издание.